

© Леонард И. Браев

Связи розей

Леонард И. Браев. Связи розей. К системе онтологических категорий. – Изд. «Диалог», 2011. – 508 с.
ISBN 978-5-9902114-6-9

Аннотация

Очерк категорий и номий онтологии.

И в обыденности, и в науке мы *видим* и *понимаем* мир не иначе, как в таких категориях, как предмет, движения, отношения, количество, время, причина и т. д., исходя из убеждения, что они и образуют само бытие мира.

Однако тогда откуда же у людей *различия* в их понимании? Или эти мировые определенности – всего лишь творения нашего ума и его проекции на вещи? Но в таком случае почему они нам таинственны? Спроси нас, что такое количество? Или время? Закон? Случайность? Или развитие? – и кто не теряет, как ответить?

Исследование категорий и номий – специальность философии. Здесь, в онтологии, энтузиасты - мученики истины надеются обрести твердь.

Для думающего читателя.

© Ибраев Леонард Иванович

Фрагменты из книги:

Предисловие

Что такое *общее*? Одинаковое? Но как представить одинаковое между синим и красным, то есть цвет вообще? Существует ли *общее*?

Если у всего есть причины, то откуда же *случайность* и вероятность? Возможна ли тогда человеческая *свобода*? Что значит упущенная *возможность*?

Если как материя, так и пространство объективны, то в чем их различие? Если пустота есть *пространство*, то существует ли пространство?

Если часы или планета замрут, время не остановится. В чем же отличие *времени* от движения часов или планеты? Возможно ли путешествие в прошлое - будущее, как в «машине времени» Г.Уэллса?

Почему отражение в зеркале не является *сознанием* зеркала? Почему на идею стула нельзя сесть? Но если сознание бесплотно, то почему же оно способно привести в движение нашу руку, вполне вещественную? Но не стул непосредственно?

В чем отличие *развития* от движения вперед или вверх? Если внутри старого нет нового, то откуда возникает новое? Куда направлено развитие? Есть ли у вселенной цель?

Таким недоумениям по поводу мировых категорий нет конца.

Представления о строе мира скрыты в самом строе нашего ума и языка, образуя наше мировоззрение, менталитет, который различает цивилизации, народы, классы, партии и поколения. Понятия о категориях есть то, из чего строятся все людские рассуждения, как религиозные, политические и прочие идеологические учения, так и научные теории, и что, может быть, незаметно для авторов предопределяет их результаты, и умственные, и практические, поведение индивидов и исторические события¹.

Не только философию, но и науку раздирают вековые противостояния взаимоисключающих объяснений: в электродинамике – классической абсолютистской теории Г. Лоренца и релятивистской А.Пуанкаре - А.Эйнштейна; в субатомной физике – сторонников волн и непрерывности Э. Шредингера - Л. Де Бройля и сторонников корпускул и вероятности Н.Бора - В.Гейзенберга; в математике – формализма Д.Гильберта - Дж. Неймана и интуиционизма – конст-

¹ См. Леонард И.Браев. Ворота философии. 2004, гл. 5.13-17, 7.2-4, 13.

руктивизма Л. Брауэра - Г. Вейля - А.Н.Колмогорова; в биологии – ламаркизма и дарвинизма и беспредельное море других научных направлений и школ; все они как будто бы опираются на одни и те же факты, а различаются как раз различием в понимании категорий.

Обыденное мышление оперирует категориями, теоретически их не определяя и не анализируя, что называется «неявно» («имплицитно»). Обычно мы сами не думаем, а довольствуемся готовыми ответами, часто ничего не объясняющими: так бог сотворил, такова природа вещей, таков их закон, – а дальше не идем, – хотя бойко толкуем о причинах, случайности, свободе, количестве, времени, развитии и т.д., не вдаваясь в смысл понятий. Пока вконец не запутаемся в раздорах своих умопостроений и жизненных драм.

Такое безотчетное знание обнаруживает свою недостаточность даже в обыденности, когда упирается в противоречия и разногласия в политике или быту. Тем более оно обречено в науке. Увы, многие самообманы и беды начинаются тогда, когда люди говорят слова, не видя за ними вещей.

И только когда припечет, мы начинаем думать, сожалея, что не делали это раньше. Тогда мы созрели для онтологии. Не существует ни одной ветви человеческого знания, которая занималась бы категориями. Это исключительная прерогатива философии, и в ней – онтологии. Онтология (от греч. *οντος* – сущее, бытие) – это как раз та отрасль философии, которая исследует лежащие в основе мира универсальные категории и их взаимоотношения – *номии*. Разные науки познают вещи, явления, их движения, количества, качество, причины, законы и т.д., а философию интересует, **что такое** вещь, явление, движение, количество, причина, закон и т.д. Так же как науки формулируют истины, доказательства, теории, а философия, ее гносеология, – исследует, **что такое** истина, доказательство, теория и т.д. В разработке этих понятий и заключается основной инструментарий, который философия дает людям и, в частности, специальным наукам.

При этом категории волей-неволей приходится рассматривать не оторванными друг от друга и рядоположенными, а в их отношениях друг с другом, коллизиях, превращениях, развитии и, таким образом, анализ категорий перерастает в разъятие и соятие мира, – его *теорию*, конечно, не статическую, а предстающую в истории разноречий и становления их пониманий.

Разумеется, предлагаемые очерки есть онтология не «чистая», а сопряженная с иными философскими подходами: теорией познания (гносеологией), философской антропологией и теорией ценностей (аксиологией). Если уж естествознание, казалось бы, безлюдное, такое как физика, тем не менее не в силах избавиться от влияния на них самого процесса познания и оценок, то что говорить о философии? Надежда на их абсолютное разграничение в наше время давно оставлена.

В основе настоящих очерков лежат мои университетские лекции и некоторые специальные публикации, дополненные тем, что там из моей браистской философии было опущено по учебным или издательским лимитам или по цензурным условиям было лишь намечено и высказано завуалировано.

Фрагменты из книги:

1. Категории

1.1. Зачем знать категории?

Казалось бы, простейшая двусложная фраза: «Шары столкнулись» – таит в себе бездну понятий о мире: вещи (шары), событие (столкновение), их тождества и различия, формы (геометрическая фигура), количество (больше одного), свойства (способность катиться), движение и покой, пространство (поверхность перемещения), время (уже произошло), а за ними – еще многие другие, ибо невозможно даже помыслить движение без идеи о движущемся объекте, его отношениях к другим объектам, их сходстве и различии, протяженности, расстояниях, бытии и небытии, причине и следствии и т.д.

Без оснастки ума - понятий мы просто не в состоянии ничего понять и даже хотя б увидеть, ни о чем подумать; но можем только бессмысленно тараторить. Именно так и бывает с новорожденными младенцами или не высшими животными: они, конечно, принимают образы окружающего, но в их чистых глазах не мелькнет о них никакой мысли, но только рефлексы готовящихся действий.

1.2. Каковы философские категории

Категориями называют наиболее общие и основные понятия.

В каждой науке категории свои особые. В физике это масса, энергия, частицы, поле, притяжение, движение, причина и т.д. В экономике – обмен, товар, цена, производство, потребление, спрос, предложение, деньги и т.д. При этом физические категории, хотя не исследуются, но применяются в анализе в химии или экономике, но не наоборот: экономические понятия не используются в физическом анализе.

Философские категории отличает общность наибольшая, – универсальность, отнесенность к миру в целом, за что их отмечают также синонимом *универсалии*. Материя, движение, причины, пространство, время и т.д. есть всюду Правда, есть универсалии и естественнонаучные: энергия, сила, симметрия и т.д., но они являются частными аспектами тех же философских категорий: энергия, сила – аспекты действия, симметрия – пространства и т.д. Конечно, в философии нетрудно заметить категории, очевидно, не всемирные: сознание (психика), практика, познание, ценность и другие, которые полагаются отсутствующими в неодушевленной природе. Однако *для нас* и они тоже оказываются универсальными, поскольку все в мире существует для нас сквозь наше сознание, практику, оценки и т.д. – и мы вынуждены эти призмы учитывать всюду.

Поэтому в философских категориях мыслит любой человек и все науки без исключения, хотя обычно их не анализируют, а берут готовыми из философии или из обыденного сознания, «здорового смысла» как известные и само собой разумеющиеся. Их начинают обдумывать и обсуждать, лишь когда обнаруживается, что, оказывается, люди разумеют их по-разному, и тем более, когда из-за них практика натывается на сюрпризы заблуждений. Тут наступает время философствования.

1.3. Категории объективные и субъективные

Однако существуют ли категории только в мысли или им что-то соответствует в самом мире? В философии известны оба мыслимых ответа на этот вопрос; материализм полагает категории не только понятиями, но и материальными, идеизм – только духовными, идеями или ощущениями, причем феноменализм – лишь воспринимаемыми, а спиритуализм – мысленными.

Соответственно термин категории употребляется в двух основных значениях: 1) Категории бытия, *объективные* категории. В разговорном языке категория как раз и значит род, тип, разряд, вид: такая-то категория рабочих, категория книг и т.д. Отличие фило-

софских категорий – это наиболее общие роды бытия, то есть внутри рода тождественные, но отличные от иного. 2) Категории познания, субъективные, есть знание объективных категорий, а именно понятия, наиболее общие и основные (то есть на которых основаны остальные), существующие в сознании и определяющие наше восприятие и мышление.

Сообразно и онтология делится на *объективную* – отношения мировых категорий и *субъективную* онтологию – наше знание о них. Таково обычное раздвоение смысла слов: механикой именуют как механические движения в мире и их устройства, так и науку о механизмах; история – это и общественные процессы, и наука о них. И т.д.

Субъективная онтология в свою очередь бывает трех видов:

1) *неявная* (подразумеваемая, имплицитная, стихийная) – когда она теоретически не осознана, хотя может проявляться в языке, речи, пословицах, поговорках и т.д.;

2) *теоретическая* онтология как отрасль философии, выявляющая и анализирующая категории;

3) *методологическая* онтология – применение онтологии в познании и преобразовании мира, соответственно превращающая познанные законы в *принципы* – руководства к действию и их системы – *методы*.

Что такое понятия – это вопрос для гносеологии, но если категории существуют не только в нашем уме, а им что-то соответствует в самом мире, то что такое эти **объективные** категории мира? Некие духовные трансцендентные (потусторонние) сущности? – таково утверждение спиритуализма. Или они свойственны самой природе? – убеждение материализма. Что такое материя и сознание, причина и количество, пространство и время и т.д.? Каковы их отношения друг с другом, их координация и субординация? Существует ли их развитие и, если да, то каково оно?

Понятно, что на эти вопросы невозможно ответить в самом начале, заранее, еще *до* исследования самих категорий. Ответ должен быть для каждой категории свой, поскольку категории существенно различны, хотя одновременно они и взаимосвязаны.

1.4. Направления в понимании категорий

Онтология, как теоретическая, так и неявная, как обычно, расколота, бывает материалистической и идеистической (2.3), моно-

лектической, диалектической и диалектоизной и многих не столь знаменитых направлений и школ, известных в истории философии.

Эти направления – далеко не произвольные создания каких-то великих мыслителей, их основоположников, а порождения соответствующего менталитета, почему и обнаруживаются еще до сложения теорий, стихийно, во всяких крылатых изречениях и пошлостях.

К примеру, трюизмы *монологического* предубеждения: Сущности вещей неизменны. Новое – лишь хорошо забытое старое. Природа не делает скачков. Случайностей не существует. Все события вероятны. Все относительно. Зло исключает добро. И т.д.

К стихийной *диалектике* относятся поговорки вроде: Крайности сходятся. Нет худа без добра. Достоинства – продолжения недостатков. Все хорошо в меру. И т.п. Литературные наблюдения, например, у Лермонтова «Мне грустно, потому что весело тебе». Афоризм Лао-Цзы: «Кто поднялся на цыпочки, далеко не уйдет». Закон Ньютона «Действие равно противодействию». И т.п.

Диалектоизные пародии на диалектику я вижу в популярных положениях, идущих от Гераклита: День и ночь – одно и то же. В одну и ту же реку мы входим и не входим. Война всеобща. И т.п. От Гегеля: Двигаться – значит быть здесь и не быть здесь. Противоречие – критерий истины. Свобода – осознанная необходимость. От Энгельса: Количество переходит в качество. Случайность есть проявление непреременности. И т.п.

В обыденном сознании эти идеи внесистемны – разорваны и бывают перемешаны так, что один и тот же мудрец может изрекать то одну, то тут же другую, не замечая, что они разнонаправленны, принадлежат к взаимоисключающим системам. Это открывается только в теоретическом категориальном анализе.

1.5. Между вещным и мысленным

Если принять существование категорий как объективных, так и субъективных, иначе говоря, их существование как родов бытия, так и понятий о них (2.3), то встает еще одна проблема: как они относятся между собой? Тождественны? Различны? В чем именно? Как связаны? И соответственно – каково взаимоотношение объективной онтологии и субъективной?

Ответ меняется в зависимости от философского направления.

Для спиритуализма, усматривающего в идеях сущность мира, логично полагать тождество объектов и понятий, бытия и мышления (Гегель, т.5, с.22, 27-28).

И такое мнение верно: понятия тождественны объектам, если, как Гегель, иметь в виду объекты умопостигаемые, «входящие в мышление и порожденные им» (т.1, с.53). Такое тождество – простая тавтология. Но именно поэтому оно вовсе не факт относительно объектов самих по себе, самостоятельных.

Впрочем, к тождеству бытия и мышления приходит также и упрощенный монолектический материализм, поскольку он видит в мышлении и его логике зеркальное отражение, «копию» мира. Этим грешили, в частности, у нас для многих будет неожиданно узнать, Ф.Энгельс (т.20, с.539, 581, т.21, с.301-302) и тем более В.И.Ленин (т.18, с.130-131, 244, т.29, с.159, 165).

Из отождествления бытия и мышления вытекают два превратных вывода.

1. Вывод об излишности особой гносеологии: зачем она, если ее категории и законы – те же, что в онтологии, например, в «диалектике» (Ленин, т.29, с.301, 321). Такие «онтологи» в Советском Союзе доминировали в 1930-40-е годы.

2. Заключение так называемых «гносеологов» о ненужности особой онтологии.

Эти два крайних умонастроения долго препирались у нас, но являются общемировыми и начинаются с античных элейцев и скептиков, в Новое время – с Д.Юма и И.Канта и до современных позитивистов и их последователей, причем онтологические интересы привлекают материализм и спиритуализм, а «гносеологизм» (термин Р.Риккерта) характерен для феноменализма с его отрицанием объективного мира, и сомнением в его познаваемости

Между мышлением и миром, и впрямь, явно некоторое тождество. Очевидно, наша мысль должна следовать известным ей законам самого мира. Законы, устанавливаемые физикой, определяют, как нужно мыслить о физических явлениях, законы биологии – как мыслить о живом и т.д.

Эту сторону отношений между онтологией и гносеологией справедливо выделяют такие наши философы, как Э.В.Ильенков или Г.С.Батищев, но на этом основании они считают возможным принять гегелевскую формулу об их тождестве, забыв об их специфике. Однако большинство наших философов: М.К.Мамардашвили, И.С.Нарский, В.С. Тюттин и др. – остались при ином мнении.

Между тем между бытием и сознанием несомненно не только сходство, но и глубокое различие. До противности.

В самом деле, «законы», формулируемые естествознанием, которым следует наша мысль, – это не сами объективные отношения вещей, а наше знание их со всеми его и достижениями, и слабостями. Если сознание тклет образы мира, то, с одной стороны, мир богаче его; мышлению далеко до его полного знания, а, с другой стороны, сознание богаче мира, включает еще воображение, чувства, волю, заблуждения, логику, интуицию, понятия, – ничего этого в мире нет. В бытии причина предшествует следствию – явлению, а в познании, наоборот, сперва является явление, а потом отыскивается его причина. В познании сперва является качество вещей, а потом – их количество, а в бытии они существуют сразу. В бытии нет ни дедукции, ни индукции, ни абстракции, ни логики. От мысленных операций с образами вещей сами вещи не шелохнутся.

Как же эту пропасть не замечать?

1.6. Среда онтологии

Тем не менее различие мира и мысли – еще не резон для их разрыва.

Взаимосвязь бытия и сознания – центральный пункт размышлений и обсуждений во всей философии.

Обособление онтологии началось с Парменида и Платона в форме противопоставления бытия познаваемого («чувственного») и сверхчувственного («истинного», идеального) и было обусловлено как раз возникновением гносеологической проблематики и служило убежищем мечтателей от яда сомнений, которые современный позитивизм довел до полного отрицания онтологии («метафизики») как недоступной позитивному знанию.

Такой раскол на два мира сохранился и в схоластике, и в спиритуалистических спекуляциях Г.Лейбница и Х.Вольфа о всяких скрытых субстанциях, пусть со ссылкой на естествознание. Да и у Гегеля тоже, несмотря на его укоры своих предшественников за «чистую рассудочность» (т.1, с.64-65).

Поэтому критика Декартом, Юмом, Кантом такой умозрительной фантастики с позиций анализа возможностей познания – гносеологии явились великим достижением, а гегелевское сведение к онтологии самой гносеологии («логики»), стирание ее самостоятельности, отрыв познания от человека было спиритуалистической реакцией на нее, защитой спекуляций от скепсиса, в чем с ним совпадали интересы утопических гегельянствующих материалистов.

В 20-м веке Н.Бердяев, Э.Гуссерль, М.Хайдеггер, К.Ясперс метнулись в обратную крайность: они как будто преодолевают раскол онтологии, возвращают человеческую субъективность в бытие (Sein), однако так, что испаряют самую его объективность, оставив ее не практической, а феноменологической интроспекцией у Гуссерля или всего лишь эмоциональной: тревожным отчуждением и заботой – в экзистенциализме.

В итоге в беззаветных эпистемологических исследованиях, в позитивистском обличении домыслов «метафизики» и в постпозитивистской критике притязаний на предпосылочную «чистую» науку современная философия простилась с оптимистическими грезами абсолютного знания и пришла к убеждению о единстве онтологии, гносеологии и аксиологии.

Фрагменты из книги:

2. Принципы систематизации категорий

2.1. Для чего категориям система

Откуда приходят в наши головы образы? Прежде всего, конечно, из восприятия окружающих вещей во взаимодействии с ними. Но ведь многие образы создаются нашим воображением, возбуждаемым в свой черед чьими-то словами или сделанными кем-то изображениями, свидетельствами современников и преданиями предков. К примеру, кто-то утверждает, что в Техасе приземлялись инопланетяне. А то и показывает их фотографии. Другой отыскал в Библии загадочные фразы об огненных колесницах богов и толкует их как свидетельства о космических пришельцах. Верно ли это? Как разобраться в этом? А немало наших знаний является воображением, создаваемым нашими размышлениями, собственными или чужими, экспериментами и их анализом в науке. Таковы разные модели атомов, их ядер, электронных оболочек, кварков и т.д., хотя ведь никто в мире их не видел, они признаны невидимыми и тем не менее возбуждают нескончаемые споры.

Все это многообразие знаний так обильно, что превращается в хаос образов, который не помогает, а запутывает наше сознание и нашу деятельность, если ... не внести в эти образы какой-то поря-

док и еще лучше единство, иначе говоря, систему понятий о мире, – то, что называется, теорию. Теория является сильнейшей духовной потребностью человека, потому что только она дает нам ясность понимания и предвидение окружающего и тем самым является для нас практической необходимостью.

Так и сами категории могут быть поняты только в системе, где каждая из них относится к каждой из всех других. Системность онтологии означает, что понятия определяются друг через друга и потому вне связи друг с другом лишаются смысла. Вот почему категории сливаются в систему путем выявления их взаимоотношений, которые можно именовать если не законами с их обусловленной и количественной определенностью, присущей единичным событиям, как в естествознании, то *номиями* (по-гр. νόμος – закон) – положениями о каких-то общих отношениях между этими гранями бытия.

2.2. Исходные трудности онтологии

Любая теория сооружается путем выделения в вещах одинакового (общего, родов) и различного (особенного, видов и единичного) и установления отношений между ними, в частности, законов или номий, чтобы подведением под них частных явлений получать их объяснение, следование из общего.

Теорию хвалят стройной, если в ней все согласованно, то есть нет логических противоречий, загромождения избыточными положениями и все из нее легко следует. Непротиворечивость, разрешимость и полнота стали позитивистским идеалом теории.

Несомненно, познание стремится исключить противоречия, но столь же несомненно, что с его пополнением в нем неизбежно их возникновение. К тому же и в стройной системе что-то может быть и обязательно бывает лишь предположением, стало быть, лишь вероятно и не исключено ошибочно, следовательно, требует проверки, а для нее – критериев истины и доказательств, – а они уводят онтологию в проблематику гносеологии.

Но сверх трудностей, общих для всех теорий, обсуждать которые здесь неуместно, в онтологии есть и свои специальные.

Первая особенность онтологии – она анализирует категории наиболее общие. Как же строить теорию универсалий? На основе опыта? Но любой опыт заведомо не универсален. Тогда как?

Отсюда вытекает ее другая особенность, методологическая – инструментальный круг. Любая теория имеет своей сознаваемой или безотчетной предпосылкой мировоззрение (в частности, фило-

софию, 1.4). Оно являет те понятия и тот язык, на котором она мыслит и говорит об исследуемом, – метапонятия и метаязык. Но что может быть таким мировоззрением, когда исследуется как раз мировоззрение? Тут мета- и субпонятия сливаются. Как же исследовать понятия посредством самих исследуемых понятий? Можно ли в них обнаружить изъяны, пользуясь самими изъянами? Как исправить пороки, используя порочный материал?

Впрочем, инструментальный круг проклиная не только онтологию, но и гносеологию, и всю философию.

Эта самоаналитичность онтологии создает для нее еще композиционную трудность: с одной стороны, невозможно ни одну категорию разбирать без привлечения других категорий; но, с другой стороны, невозможно разбирать и все сразу. Как же быть?

Со взаимной обеспеченностью онтологических понятий связана также проблема начала теории: с какой категории начинать ее анализ? Если рассчитывать на «выведение» одной категории из другой, то началом должна быть такая, из которой выводятся все прочие. Однако из чего могут быть выведены все понятия? Такой категории неизвестно.

Как же здесь до сих пор поступали онтологи?

2.3. К онтологической теории

Сохранившаяся история систематизации категорий начинается с Аристотеля. Он обобщил обсуждения и достижения греческой мысли, введя самый термин «категории» (κατηγορία- высказывание, признак), скрупулезно рассмотрев десяток из них: сущность (ὄλκεῖμενον, οὐσία, substantia), количество (ποσόν), качество (ποιότης), отношение, место (τοπος, χώρα), время, положение (προς), состояние, действие, страдание (παθη, passio), - и еще столько же в разных других местах. Правда, выделение категорий у него лишено единого основания и системы. Тем не менее этот античный анализ на два тысячелетия остался базовым для философов от Кембриджа до Багдада и Самарканда, от Москвы до Рима и Кордовы. За эти столетия мыслители разных стран добавили сюда еще немало ценных находок.

Но также было сочинено и много красивых, но оторванных от действительности, произвольных таинственных диалектоизмных спекуляций, в чем особенно преуспели спиритуалисты Плотин, Прокл, Фома Аквинский, Г.Гегель, Н.Гартман.

Более критичные Д.Локк, Д.Юм, Г.Лейбниц, как потом позитивисты, из скептического отрицания «метафизики» (1.6) ограничивались 4-6 категориями, к тому же раздельными, которые, конечно, не могли объять многообразие мира. И.Кант тоже выстроил универсалии в красивую полярную симметрию, расширив их до целой дюжины (т.3, с.174-177). Его переворот – в дерзкой идее: категории являются формами нашего восприятия и рассудка, сквозь которые мы и понимаем мир (1.1); однако он положил их доопытными и тем самым поставил под вопрос их объективность.

Известно, что К.Маркс одно время подумывал заняться системой категорий, но так и не нашел на это времени, пожертвованного «Капиталу». Среди наших отечественных философов десятки лет шли дискуссии о системе категорий и предлагались десятки ее проектов, потому что принятое их стандартное изложение всех сколько-либо вдумчивых людей не удовлетворяло. Оно обычно начиналось с материи, которая определяется как то, что находится вне нас и действует на нас или иногда как субстанция, но что такое «вне» (пространство)? Что такое «действие»? Что такое «субстанция»? – Определения нет или еще нет и, возможно, не будет и потом. Это, понятно, не система.

Таким образом, о категориях есть море частных наблюдений, тонких и глубоких, без которых онтология была бы просто пуста, но никакой приемлемой системы нет. Во всяком случае мне неизвестно. Ни в одном из философских направлений.

А взаимная определенность, инструментальная, композиционная, начальная и другие проблемы онтологической систематики даже не ставились.

2.4. Какая онтология ущербна?

Инструментальный круг – не только трудность, но, с другой стороны, как ни удивительно, преимущество философии, поскольку она хотя бы так критикует свои собственные мировоззренческие предпосылки, тогда как частные науки, получая их готовыми и часто безотчетными, вынуждены следовать им некритично.

Попробуем же эксплицировать подразумеваемые предпосылки онтологического анализа и таким образом сформулировать его принципы.

Различных систематизаций категорий, понятно, необъятно много. Но по своим исходным предпосылкам они различаются по следующим основным противостояниям:

1. *Монолектическое* видение (1.4), где категории отрывают друг от друга, в лучшем случае пытаются установить их логическую субординацию и координацию как рода и вида, – логическую классификацию, впрочем, ни разу не достигнутую, поскольку все универсалии равно универсальны.

Диалектический анализ категорий, наоборот, исходит из их всеединства, протиединства и развития, таким образом преодолевает их разорванное и статичное представление в монолектике.

2. *Идеистическое* видение, где категории будто бы выводятся («развиваются») не из объективного мира, а из категорий же, одна из другой или даже все из одной.

Особенно убежденно на осуществление такого идеала претендовал Гегель, хотя уже один из первых его критиков А. Транделенбург показал, что никакого такого вывода категорий друг из друга у спиритуалиста нет, а с самого начала «тихомолком прихватываются» пространство, время, движение (1868, с.45).

На самом деле, несомненно, категории существуют в мире сразу все, а не поочередно и раздельно, как у этого якобы диалектика (2.4.1), сперва одни категории без других, следовательно, отдельно от других, а потом возникают эти другие: сперва появляется «бытие» и «ничто» без качества, движения и т.д., нареченное за это «чистым бытием», а потом возникает качество, но еще якобы нет количества, потом – количество, но еще нет основания и т.д.

Саморазвитие происходит не у отдельных категорий, а у вещей, и не в мышлении самом по себе, не исследующем мира, а в мире. «Внутреннее саморазвитие категорий» есть утопия, необходимая для самостроения потустороннего мира идей, платоновско - гегелевская мистика, и ей у нас, следуя гегельянским указаниям вождя (т.29, с.86), да и в других странах подражают совершенно напрасно. Провал всех таких попыток онтологии совершенно закономерен.

Этим отрицательным методологическим установкам противостоит утвердительный *материалистический* подход: основой системы категорий является сам объективный мир. Выведение (развитие) категорий проводится не друг из друга, как у спиритуалистов, а из объективного мира, таким образом, заключаться в установлении их отношения к миру, а в нем – друг к другу.

Однако оба утвердительные воззрения, и диалектика, и материализм, тоже ведут не к истине, а к заблуждению, если их принципы искусственно навязываются теории. Их благотворность – лишь в том, чтобы *помогать* познанию в выявлении материальных и диа-

лектических отношений там, где они *сами* выявляются под давлением материала самого мира.

2.5. Принципы построения онтологии

Остается принять: принципы онтологического исследования нужны не надуманные, взятые из каких-то абстрактных соображений, пусть самых величественных, а из этих утвердительных установок и следовать тем путям, по которым наши фундаментальные понятия о мире приходят в человеческое сознание в качестве его форм восприятия и мышления.

2.5.1. *Практическая экспликация* категорий. Миропонимание отражает историю человеческой практики, и порядок категорий открывается *порядком их практического познания*. Поэтому установление отношений между универсалиями происходит не в каком-то «внутреннем саморазвитии понятий», а извне, через анализ нашего взаимодействия и познания мира, – как обыденного, так и научного.

Конечно, наш менталитет лепится нашей практикой первоначально для нас *безотчетно* (1.4) в качестве образов наших взаимодействий с вещами. Тем не менее, если в объективных категориях самого мира есть какая-то система, то наши подспудные универсальные понятия тоже должны складываться в систему, хотя бы в чем-то подобную мировой, потому что иначе наши взаимодействия с миром будут обречены на разлад и неудачи. Соответственно задачей философского исследования оказывается выявление этой системы наших понятий в онтологическую теорию или по меньшей мере какую-то картину мира.

Между прочим, здесь мне видится кое-что истинное, что содержится в гегелевском «тождестве бытия и мышления» или в феноменологическом методе Э.Гуссерля, разумеется, за вычетом абсолютизации ими этой интуиции, ибо в нашем *подсознании* заблуждений может быть не меньше, чем в сознании, и его требуется постоянно критически проверять и дополнять практикой.

Практицизм категорий зажигает нам надежный ориентир и критерий в наших онтологических изысканиях, ибо история производства вещей известна все же лучше, по крайней мере, прочнее и достовернее, потому что она все же материализована в эмпирии.

2.5.2. *Языковая экспликация* категорий.

Другой путеводитель и подсказчик в наших онтологических хождениях – язык, ибо в его морфологических и синтаксических категориях воплощается наша менталитетная категориальная сис-

тема, потому что она *необходима* для человеческого общения, адекватного взаимопонимания для совместной практики. Не будь в языке такой категориальной системы, общество погибло бы.

Не случайно первые опыты анализа категорий у Демокрита, Платона, Аристотеля следовали именно грамматической форме греческого языка, что авторы сами, однако, мало замечали, так как не знали иных языков, чтобы сравнить, и не сомневались, что категории их языка являются единственно возможными.

2.5.3. *Генетизм типологии* категорий.

Наше уличение спиритуалистического «саморазвития» категорий в мистике (2.4.2) было бы недоразумением понимать как отрицание их развития в познании. Категории развиваются, но не в мире, там они уже все есть, а в их познании. Существовая в мире все сразу, универсалии и открываются познанию тоже сразу, если не все, то многие, хотя, разумеется, не сразу во всей своей полноте. Поэтому история познания тоже не дает нам последовательности категорий. Но вместе с практикой идет углубление их знания. Увы, нельзя сразу сделать идеальные орудия познания. Для начала приходится сделать хоть какие-то, а уж с их помощью делать лучшие.

Вот почему онтологическая теория должна быть исторической, соответствовать истории человеческого менталитета, как в науке, так и в обыденном сознании, где они определяются не теоретически, а скрыты в *подсознании*, в *языке* и отдельных повествованиях. Анализ категорий может быть лишь историко-критическим, с выяснением, как и по каким причинам они развивались. Только *историзм* позволяет видеть их не догматически, а понять, на чем в бытии они основаны и, стало быть, чем ограничены, а где превратны.

2.5.4. *Противоединство категорий*. Система универсальных категорий *почему-то* выстраивается в единство полярных пар: тождество – различие, единичное – общее, движение – покой, причина – следствие и т.д. Полярность категорий проявляется в философии в антиномиях и контрроверзах. *Антиномии* – это взаимное исключение и взаимное полагание номий (2.1) о противных категориях: они реальны или только кажутся, определяющие, определяемы или свободны, тождественны или изменчивы, слитны или раздельны, конечны или бесконечны, абсолютны или относительны и т.д. *Контрроверзы* являются историческим развитием этих антиномий в философии, в ее дискуссиях, доказательствах и опровержениях.

Однако методологически важно, чтобы это противоединство возникало в теории не по-гегельянски, насильственным измышле-

нием там, где его нет (2.5), а, наоборот, вопреки сомнению в его существовании.

2.5.5. Способы определения универсалий.

Всеобщность, генезис (2.6.3) и противоединство (2.6.4) категорий принуждают к довольно экзотическим способам их логического определения.

Типология универсальных категорий не может быть ни индуктивной, так как бескрылый эмпиризм не способен взлететь до всеобщего, ни дедуктивной, так как это чрезмерная претензия на завершение бесконечности, обретения основы, из которой вытекают сами всеобщности. Существовая все сразу, мировые категории *не* “вытекают” друг из друга (2.4), а *относятся* друг к другу, в частности, противостоят, дополняют друг друга, в чем-то соподчиняются как общее и частное и пересекаются.

Вот почему самое распространенное в частных науках классическое *дедуктивное* определение понятия через более общее понятие («Ослы – это лошади») (их род) и видовое отличие («с длинными ушами и тонким хвостом») в онтологии – не столь уж частый гость. Что может быть универсальнее универсалий? Где более общее понятие, чем тождество, отношение, движение, материя и т.п.? Материя не шире, чем пространство, время или движение.

В онтологии больше возможностей для обратного ему *индуктивного* определения, то есть определения более общего понятия, родового, через его виды, проще говоря, обобщение видов. Так математика определяет число, перечисляя его разные виды.

Пожалуй, еще обыкновеннее в философии определение *традуктивное* – установление отношения понятия к другим понятиям такой же степени общности². К примеру, отношения пространства к материи, движению, действию.

2.5.6. Циклы абстракции и конкретизации.

Конечно, познание начинается с чувственно конкретного единичного, но первым актом здесь является не познание, а встреча и взаимодействие с ним; само же знание филогенетически выделяет в единичном самое простейшее и абстрактное – некие тождества и различия, а его дальнейшее познание означает теоретическую конкретизацию, переход от односторонности абстракций к их синтезу.

Поскольку для материализма основной в мире является категория материи, то с нее и пытаются начинать онтологию В.Л.Акулов,

² Леонард И.Браев. Элементарная логика. МарПИК, 2004, с.70-74.

В.С.Библер, Е.С.Кузьмин, В.Н.Сагатовский и многие другие материалистические авторы (2.3). Однако построение теории не получается исходом из материи, потому что эта категория является теоретически более конкретной, чем другие, и ее нельзя определить без предварительного знания более абстрактных категорий, – таких как тождество – различие, движение – покой, отношение, действие, следствие, первичное – вторичное, субстанция и др.

Познание начинается с конкретного, но теория – не начало, а вершина познания. И начинать генетическую теорию приходится с категорий наиболее абстрактных, наиболее простых и бедных по содержанию, а их развитие означает их обогащение, переход к теоретически конкретному. Эту генетическую диалектику в отношениях между общими категориями подметили еще стоики и приняли Гегель и Маркс (т.12, с.728-729). Однако эту теоретическую конкретизацию односторонне и превратно выставляют движением познания в целом и противопоставляют эмпиризму, как это логично для спиритуализма, прозревающего в таком ходе абстрактного мышления творение самого мира «мировым разумом» и тем самым оправдание собственной спекулятивности.

Так устанавливаются познавательные циклы: свои строительные материалы онтология черпает из конкретики бытия и специальных наук, но построение самой ее теории, порядок категорий следует принципу перехода от абстрактного к конкретному, от простого к сложному.

2.5.7. Компликация категорий.

В генезисе онтологической теории следующие категории образуются на основе предыдущих посредством их уточнения и дополнения, но на каждой ступени с минимумом новых отличий, таким образом происходит их включение и превосхождение.

Таковыми видятся мне принципы систематизации онтологических категорий.

2.6. Открытость категориальной системы

Теория вынуждена быть не закрытой, окончательной, а открытой для дальнейшего развития – путем установления проблем, их разрешения, уточнения и дополнения (2.6), потому что вселенная бесконечна и, по меткому наблюдению гения К.Пруткина, «нельзя объять необъятное».

Настоящие очерки не случайно озаглавлены не «Система...», а лишь «К системе онтологических категорий». Это сделано из соз-

нения, что теория исторически развивается вместе со всей наукой и человеческим мировоззрением, и для того, чтобы выразить, что автор не собирается смешать всех претензией на всеведение и исчерпывающую окончательную систему. Теории доступна полнота не абсолютная, а лишь практически необходимая и достаточная.

Однако едва ли открытость теории позволительно возвести в методологический принцип, ибо люди обречены стремиться к недостижимому идеалу завершения. Хорош был бы исследователь, который руководствовался бы принципом незавершенности исследования.

2.7. С чего начать?

С какой же категории нам отплывать? Эта «проблема начала» онтологии немало помучила философов.

Решение, мне кажется, проглядывает в принципах генетической сложности и превосхождения абстрактного в конкретном, простого в сложном (2.6.3, 6-7). Из них следует, что исходным, по всей видимости, должны быть категории тождества – различия как самого простого и первого, с чего начинается познание, но что по необходимости входит во все прочее.

Однако в истории человеческой мысли отношения тождества – различия первоначально предстали внутри загадочной контрверзы единичных вещей и общего между ними.

Тысячелетия ушли у людей, чтобы что-то здесь для себя уяснить.

.

Оглавление:

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
1. Категории	5
1.1. Зачем знать категории? 1.2. Философские категории. 1.3. Категории объективные и субъективные. 1.4. Направления в понимании категорий. 1.5. Между вещным и мысленным. 1.6. Среда онтологии.	
2. Принципы систематизации категорий	11
2.1. Для чего категориям система. 2.2. Исходные трудности онтологии. 2.3. К онтологической теории. 2.4. Какой не должна быть онтология. 2.5. Какой должна быть. 2.6. Принципы построения. 2.7. Открытость категориальной системы. 2.8. С чего начать?	
I. Всеединство	
3. Единичное – общее	21
3.1. Что единично и что общо? 3.2. Контрверза реализма и номинализма. 3.3. Концептуализм. 3.4. Как представить общее? 3.5. Как существует общее? 3.6. Противоединство единичного – общего. 3.7. Взаимное обращение е-о. 3.8. Мысленное единичное и общее.	
4. Тождество – различие	30
4.1. Противоединство т-р. 4.2. Научные идеалы тождества. 4.3. Конкретное тождество. 4.4. Разграничение мира. 4.5. Относительная абсолютность границ. 4.6. Границы в соятии общего и единичного. 4.7. От тождества к различию.	
5. Движение – покой	31
5.1. Определения. 5.2. Творение вещей. 5.3. Генетическое тождество. 5.4. Абсолютизация движения диалектоикой. 5.5. Неизменна ли сущность? 5.6. Противоединство д-п. 5.7. Что такое ничто? 5.8. Взаимное определение. 5.9. Взаимный переход. 5.10. Градации вещей. 5.11. Мера градации. 5.12. Абсолютность мер.	
6. Отношения – вещи	34
6.1. Что такое отношение? 6.2. Статика отношений. 6.3. Динамика отношений. 6.4. Высшие отношения. 6.5. Диалектика связи и рози. 6.6. Определенные отношения. 6.7. Единство отношений и вещей.	
7. Систематика	54
7.1. Часть – целое. 7.2. Типология образований. 7.3. Что такое система и ее целостность? 7.4. Загадка появительности. 7.5. Что является элементарным? 7.6. Типология систем. 7.7. Иерархия систем. 7.8. Некоторые основные особенности живых систем. 7.9. Социальные системы. 7.10. Духовные системы. 7.11. Становление систематики. 7.12. Систематика и диалектика.	

II. Всеединство и противоединство

8. Противоединство 69

8.1. Открытие «противоречий мира». 8.2. Проблема абсурда. 8.3. Чистильщики. 8.4. Диалектическая логика. 8.5. Диалектический подлинник диалектики. 8.6. Противости. 8.7. Противоединство. 8.8. Тотальность противоединства. 8.9. Филиация противоединства. 8.10. Генезис противоединства. 8.11. Противость противоединства и противоречия. 8.12. Основания для смешения. 8.13. Единство диалектического противоединства и логического противоречия.

9. Причина – следствие. 93

9.1. Происхождение понятия причины. 9.2. Что движет вещами – причина или цель? 9.3. А не являются ли причины всего лишь временными последовательностями? 9.4. В чем отличие причинности и следования? 9.5. Есть ли доказательство причинности? 9.6. Закон всеобщности причин. 9.7. Что за призраком вероятностной причины? 9.8. Противоединство причины и следствия. 9.9. Причина и условие. 9.10. Причины внешние и внутренние. 9.11. Что такое причина самого себя?

10. Системные причины. 113

10.1. Особенности системных причин. 10.2. Пуски лавинных реакций. 10.3. Значение системных причин. 10.4. Сохраняющиеся причины. 10.5. Почему у неживого нет необходимости? 10.6. Происхождение необходимости. 10.7. Необходимость и самоуправление. 10.8. Нецелесообразность биологической эволюции. 10.9. Нецелесообразные причины. 10.10. Есть ли цели в нецелесообразных причинах? 10.11. Признаковые и сигнальные причины. 10.12. Генетические причины. 10.13. Метаморфозы причин и целей.

11. Возможность и действительность. 135

11.1. Почему людей интересует возможность? 11.2. Что подразумевают под действительностью и возможностью? 11.3. Возможность и причина. 11.4. Противоединство возможности и действительности. 11.5. Свойство – возможность. 11.6. Есть ли диалектика вещи и свойства? 11.7. Возможность в практике. 11.8. База нашей свободы. 11.9. Возможность абстрактная и реальная. 11.10. Что значит невозможность? 11.11. Проектерство. 11.12. Консерватизм.

12. Закон и закономерность. 153

12.1. Происхождение понятия. 12.2. Что такое закон? 12.3. Различие закона и причины. 12.4. Объективные и субъективные законы. 12.5. Всеобщность и обусловность законов. 12.6. Объективные законы или свобода. 12.7. Объективные законы людей. 12.8. Причины и свободная воля. 12.9. Как могут быть нарушаемые законы? 12.10. Идеальность законов. 12.11. Как владеть естественными законами? 12.12. Есть ли в случайном закон? 12.13. Как может быть закон вероятным?

13. Непременность и случайность. 170
13.1. Что имеется в виду? 13.2. Откуда случайности? 13.3. Исчезновение случайности. 13.4. Исчезновение неперменности. 13.5. Совместимы ли причины и случайность? 13.6. Происхождение случайности и неперменности. 13.7. Относительность. 13.8. Внесистемные условия случайности. Системные условия неперменности. 13.9. Беспричинность в случайности. 13.10. Объективность и относительная абсолютность. 13.11. Взаимный переход. 13.12. Противоединство. 13.13. Преодоление рока.

14. Вероятность. 187
14.1. Существует ли вероятность? 14.2. Мир вероятен? 14.3. Правдоподобие. 14.4. Три вероятности. 14.5. Вероятность – это частота? 14.6. В чем объективность вероятности? 14.7. Возможность за вероятностью. 14.8. Основы вероятности. 14.9. Сдвиги вероятности. 14.10. Из хаоса к порядку. 14.11. Противоединство закона и закономерности. 14.12. Разведенность вероятности и неперменности. 14.13. Почему вероятностны законы, но не причины. 14.14. Соизмерение связей.

15. В чем единство качества и количества? 205
15.1. Существуют ли качества? 15.2. Не выдумка ли количество? 15.3. Что такое качество? 15.4. Относительная абсолютность качества. 15.5. Что такое количество? 15.6. Относительная абсолютность количества. 15.7. Что такое число? 15.8. Смысл математических операций. 15.9. Сверхнатуральные числа. 15.10. Существует ли противоединство качества и количества? 15.11. Существует ли переход количества в качество?

III. Материя

16. Сущность и явление. 227.
16.1. Раскол вещей. 16.2. Что называют сущностью и явлением? 16.3. Противость сущности и явления. 16.4. Глубины сущности. 16.5. Почему кажется? 16.6. Мир без сущности. 16.7. Духовные сущности. 16.8. Противоединство сущности и явления. 16.9. Мосты к познанию сущности.

17. Быть и не быть. 240
17.1. Вопрос о бытии и ничто. 17.2. Фантом бытия и смысл жизни. 17.3. Откуда мы знаем, что мир реален? 17.4. Что значит быть реальным? 17.5. Мост между Я и не-Я. 17.6. Посохи познания. 17.7. Что прежде восприятие или действие? 17.8. Интерактивное доказательство реальности. 17.9. Формализация доказательства реальности. 17.10. Интерактивный способ познания. 17.11. Что за отрицанием? 17.12. Что за небытием?

18. Материя. 259
18.1. Практический прообраз понятия. 18.2 Индуктивное представление материи. 18.3. Праматерия. 18.4. Сквозь тупик в провал. 18.5. Традуктивное определение. 18.6. Гносеологическая трактовка. 18.7. Онтологическое понимание материи. 18.8. Субстантный раздор. 18.9. Поведение материи. 18.10. Единство аспектов. 18.11. Деление материи. 18.12. Слитие розей.

18.13. Противость вещества и поля. 18.14. Единство вещества и поля. 18.15. Если материя не измерима, то что значит ее сохранение? 18.16. Многоэтажность материи. 18.17. Материальное единство мира.

19. Материя и движение. 279

19.1. Материя без движения и действия. 19.2. Движение и неподвижность по видам материи. 19.3. Перекомбинации неизменного. 19.4. Законы сохранения. 19.5. Единство пассивности-активности, покоя-движения. 19.6. Противоединство материи и движения. 19.7. Призрак бездейственного движения. 19.8. Энергетизм: действие без материи. 19.9. Истина и абсурд энергетизма. 19.10. Узлы действий и движений. 19.11. Субстантивация энергии. 19.12. Абсолютно или относительно движение?

20. Пространство и время 292

20.1. Энигма мира. 20.2. Что такое «теперь»? 20.3. Как путешествовать во времени? 20.4. Пространство и время без материи. 20.5. А существуют ли пространство и время? 20.6. Что такое пустота? 20.7. Материальное пространство. 20.8. Движение и время. 20.9. Отношения в пространстве и времени. 20.10. Пространство практизма. 20.11. Структура пространства. 20.12. Практистское время. 20.13. Что такое прошлое и будущее? 20.14. Где граница у теперь? 20.15. Что такое свойства пространства и времени? 20.16. Почему пространство трехмерно? 20.17. «Пространства» в пространстве. 20.18. А есть ли свойства у пространства и времени? 20.19. Почему время необратимо? 20.20. Элементы пространства и времени. 20.21. Диалектика пространства и времени. 20.22. Релятивистская кинематика и динамика. 20.23. Относительная абсолютность. 20.24. Противоинерциальное сложение световой скорости. 20.25. Бесконечность.

21. Содержание – форма. 338

21.1. Генезис понятия формы. 21.2. Проформа. 21.3. Содержание начинается. 21.4. Объективное содержание. 21.5. Содержание духовного. 21.6. Содержание природного. 21.7. Аспекты формы. 21.8. С – ф в перспективе. 21.9. Монолектика с – ф. 21.10. Диалектика с – ф. 21.11. Взаимодействие с – ф. 21.12. В чем заключается формализм?

IV. К философской антропологии

22. Материя и сознание. 356

22.1. Почему наше сознание идеально? 22.2. Душа. 22.3. А существует ли сознание? 22.4. Материальные скрепы сознания. 22.5. Какова связь души и тела? 22.6. Параллели духа и материи. 22.7. Одушевленная материя. 22.8. Материальное сознание. 22.9. Психика есть движение. 22.10. Эпифеномен. 22.11. Надматериальность сознания. 22.12. Идеальное вне головы. 22.13. Функциональная концепция сознания. 22.14. Является ли сознание функцией? 22.15. Сознание – отражение? 22.16. Ощущения – знаки? 22.17. Мышление рук и вещей. 22.18. Сущность сознания. 22.19. Истоки бесплотности сознания. 22.20. Интенция и пространственность сознания. 22.21. Целостность восприятия. 22.22. Противоединство материального и

идеального. 22.23. Психическая форма движения. 22.24. Природная пред-
родня ощущения.

23. Происхождение и сущность сознания. 391
23.1. Регуляторность психики. 23.2. Реактивность. 23.3. Кореактивность.
23.4. Рефлектность. 23.5. Психика. 23.6. Колеи памяти и узнавания. 23.7.
Нецеситность психического изображения. 23.8. Таинственность происхо-
ждения человека. 23.9. Биологические предпосылки человека. 23.10. Прак-
тические определители. 23.11. Воображение и соображение. 23.12. Ста-
новление знака. 23.13. Язык. 23.14. Превращение психики в сознание.
23.15. Творческая фантазия. 23.16. Понятийное мышление. 23.17. Проис-
хождение логики. 23.18. Интерес. 23.19. Человек эстетический. 23.20. Са-
мосознание и нравственность. 23.21. Колеи понимания. 23.22. Менталитет.
23.23. Чары интереса. 23.24. Социальные сита – мифоиды. 23.25. Социаль-
ность человека. 23.26. Бессознательное и сознание.

V. Развитие

24. Проблемы развития. 430
24.1. В чем критерий развития? 24.2. Возникновение понятия. 24.3. Рост?
24.4. Усложнение? 24.5. Адаптация? 24.6. В генеалогии человека? 24.7.
Нигилизм и релятивизм. 24.8. Куда направлено развитие? 24.9. Каково
улучшение в развитии? 24.10. Есть ли у развития цель? 24.11. Загадка воз-
никновения. 24.12. Проблема «источника» развития.

25. Фигурации развития. 444
25.1. «Отрицание отрицания». 25.2. Отрицание или оборот. 25.3. Дialeк-
тика оборота. 25.4. Триада оборота оборота. 25.5. Всеобща ли кумуляция
развития? 25.6. Имманентно ли развитие? 25.7. А есть ли «триада»? 25.8. А
закон ли это? 25.9. Другие фигуры развития.

26. Системная теория развития. 455
26.1. Что такое развитие. 26.2. Механизмы развития. 26.3. Генетическая
типология систем. 26.4. Связь генетических уровней. 26.5. Развитие есть
свитие. 26.6. Историчность структур. 26.7. Возникновение. 26.8. Оборот.
26.9. Межуровневое взаимодействие. 26.10. Самосборка систем. 26.11. Раз-
витие изнутри и извне. 26.12. Розни и соятия в развитии. 26.13. Содер-
жание и форма в развитии. 26.14. Двигатели развития. 26.15. Объяснение
возникновения. 26.16. Генетические пласты. 26.17. Бесцельная направлен-
ность. 26.18. Критерии развития. 26.19. Относительная абсолютность кри-
терия. 26.20. Противоединство суб- и суперсистем. 26.21. Противоединст-
во агрегатов и систем. 26.22. Системы, формы материи и формы движения.
26.23. Генезисная специфика психики и общества. 26.24. Противоединство
хаоса и свития. 26.25. Некоторые итоги. 26.26. Методология системной
эволюциологии. 26.27. Генезисная эвристика. 26.28. Генезисная прогно-
стика.

Литература. 495

II. Всеединство и противоединство

Фрагменты из книги:

1. Противоединство

8.1. Открытие «противоречий мира»

На самой заре философии Гераклит поразил века удивительным наблюдением: «На входящего в реку текут все новые воды»; поэтому «в одну и ту же реку мы входим и не входим». Но в мире «все течет», в смысле: всякая вещь постоянно изменяется (5.4), откуда делается удивляющий вывод: всякая вещь как таковая сразу существует и уже не существует, стала иной, иначе говоря, является противоречием: та и не та, или в логических символах $A \wedge \neg A$.

Как дразнил Гегель, «двигаться – значит быть здесь и не быть здесь». (Т.6, с.241).

В этом же ключе Гераклит в противоявлениях разглядел их сродство друг другу: день и ночь есть одно и то же (например, время суток), добро и зло есть одно и то же (значимость для нас) и т.д.

Вы, конечно, возразите: но ведь они и не одно и то же, а имеют весьма существенные нюансы. И вы правы. Но тогда получается, противости есть сразу то же самое и не то же самое, иначе говоря, опять противоречие, то и не то, $A \wedge \neg A$.

Но весь мир исполнен изменений и противостей; таким образом, все в мире противоречиво: то и не то, есть и нет.

В положении о противоречивости мира, по общепринятому мнению, и заключается суть того, что получило имя диалектики, – по-моему, совершенно напрасно. Вернее это было бы назвать всего лишь её карикатурой – *диалектоикой*.

Но об этом позже.

8.2. Проблема абсурда

С самого начала диалектика сталкивается с логикой.

Если всякая вещь сразу есть и нет, то какое же суждение о ней будет истинным: да или нет? А или $\neg A$? Или оба сразу $(A \wedge \neg A)$? Или все же оба ложны?

Но тогда, выходит, прав релятивизм: любые суждения равнозначны. Что хочу, то и ворочу.

Как же совместить такую «диалектику» с логикой, чьи фундаментальные законы: тождества самому себе всякого понятия или суждения $A \equiv A$ и непротиворечия $\neg(A \wedge \neg A)$, – запрещают высказывание о чем-то сразу утверждения и его отрицания как нелепость (абсурд)? – проявление непоследовательности мышления, результат ошибки или намеренного морочения, софистики. Нелепо говорить: Иван здесь, в комнате, и не здесь, он купил хлеб и не купил, или, по М.Жванецкому, он надел белый халат черного цвета.

И еще неприятней: как совместить антилогическую «диалектику» с практикой? Если вещь сразу есть и нет, то что нам с нею делать? Кушать хлеб или не кушать, поскольку он сразу существует и не существует? Когда нас грабят, что кричать: «Караул!» или «Ура!»? Или и то, и другое сразу?

Открытие противоречий в мире холодит также тревожной догадкой: противоречия есть идеи – высказывания утверждения и отрицания; как же они могут существовать в немыслящей природе? Или природа все же мыслит? Как это объяснить? Что такое объективные “противоречия”, то есть в самом мире?

Научное сообщество твердо в убеждении: логика необходима, а противоречие – ошибочно и непростительный порок. Соответственно сциентисты обвиняют диалектику в алогизме: диалектики – сумасшедшие, которые абсурд принимают за премудрость. А путь абсурдов губит науку и ведет к мистике.

8.3. Чистильщики

Однако обвинять, бранить и отвергать легко, а как же очистить мысль от противоречий? Разве в мире нет изменения вещей? Нет противоположностей? По всей истории философии и науки разворачивается борьба противых взглядов – антиномий (2.6.4): мир конечен или бесконечен; материя слитна или дискретна; все движется

или движение – только видимость; Солнце вращается вокруг Земли или Земля – вокруг Солнца; все относительно или все абсолютно; все непременно или все случайно, законы мира только вероятностны; над миром царит незримый разум – бог или бога нет; человек – марионетка судьбы или человек свободен в своих делах, а потому ответствен за них сам. И т.д. – разногласия нескончаемы. Как же от этих противоречий освободиться?

Из многих попыток выделились два способа очищения.

1-я догадка: А что, если отказаться от одной из противоположностей? Оставить, например, покой или непременно, а движение или случайность положить кажущимися? Со времен Зенона так мыслит монолектика. Но вот незадача: от какой половины категорий отказываться? Ведь другие мыслители считают, наоборот, кажущимися покой или непременно. А главное – оставшиеся категории без своих антонимов лишаются смысла: ну, что такое движение, если нет покоя? И, наоборот, какой смысл в понятии покой, если нет движения?

2-я догадка: Если противоречие – результат ошибки, то, может быть, от них избавит увеличение строгости рассуждений? Ради очищения от путаницы Сократ и Аристотель открыли эпоху бесконечных уточнений и определений понятий. Пример алгебраических расчетов навел Г.Лейбница на идею: а что если рассуждения формализовать – заменить слова знаками и правилами операций над ними, алгоритмами? В начале 20-го века математики во главе с Г.Фреге, Б.Расселом, Д.Гильбертом и др. осуществили такую программу, развивая алгебраическую (символическую, «математическую») логику. Были созданы огромные трактаты по основам математики, теории множеств, почти без слов, из одних знаковых выкладок. Но тут в этой метаматематике открылись равно доказуемые, но противоречащие друг другу суждения, так называемые парадоксы Г.Кантора, У.Бурали-Форти, Б.Рассела и др. А в 1931г. К.Гедель доказал теорему о неполноте всякой развитой формализованной системы: в ней может быть сформулировано сколько угодно суждений невыводимых, то есть недоказуемых и неопровержимых, в частности, и противоречащих друг другу. Надежды математиков и логиков освободиться от противоречий были подорваны.

Но такой вывод в философии был известен давно. Еще в древности Сократ, Антисфен, Пиррон и др. скептики были убеждены в неизбежности противоречий в мыслях. В 18 веке И.Кант рассудил, что в тавтологиях, «аналитических суждениях», вроде « $2 \times 2 = 4$ »

рассудок способен быть логичным, но и в самом строгом теоретизировании по экзистенциальным вопросам: о бесконечности, дискретности, причинах, боге, свободе и т.п. – неотвратимо возникают неразрешимые противоречия – *антиномии*, где каждое из противоречащих одно другому суждений имеет аргументов «за» столько же, сколько и «против» – и ученому витязю на распутье не остается здесь ничего иного, как подчиниться тихому голосу совести или корысти, морали или интереса.

8.4. «Диалектическая логика»

Отношение диалектиков к логическому противоречию, разумеется, обратное: они его возносят в закон. Гегель настаивает: мысль антиномична; почему же недостижимую непротиворечивость мы должны считать законом мышления и отвергать его реальную противоречивость? Вернее будет принять: противоречие есть закон мышления и критерий истины (т.1, с.139). Гегель, Маркс, Энгельс даже щеголяют намеренными противоречиями, сразу да и нет: «Двигаться – значит быть здесь и не быть здесь». «Предел отношения величин есть и не есть» (т.1, с.339). Трагический герой – виновен и не виновен (т.14, с.359). Маркс: капитал возникает и в обращении, и вне обращения (т.23, с.174). Энгельс: мышление и суверенно, и не суверенно (т.20, с.88). И т.д.

Гегель (т.1, с.47), Маркс и Энгельс (т.20, с.138, 528, 550) третируют логику как некую низшую ступень мышления, «рассудок» и «метафизику», годную разве что для моментов покоя в узких быденных делах (т.20, с.20-21, 123-124). В 1930-е гг. в Советском Союзе было даже запрещено ее преподавание. А в высокой мудрости разума, – возглашают они, – противоречия есть закон мира и мышления, – и претендуют на создание соответствующей «диалектической логики» (Гегель, т.5, с.28, 32, 39, Энгельс, т.20, с.538), устанавливающей особые логические формы рассмотрения мира в движении и противоречиях. Идея противоречивой диалектической логики возбуждала среди советских философов нескончаемые дискуссии. Что это за таинственная логика? В чем конкретно она заключается? Но все поиски были тщетны: оказывается, либо ничего, либо это просто та же диалектоизная теория.

Более умеренные марксисты хотели бы совместить диалектику с логикой. Но как это сделать, если одна запрещает противоречия, а другая их утверждает? Или у человека сразу две головы? Или иногда он должен мыслить по логике, а иногда – по «диалектике»? Не

которые: А.А. Богданов (1913 г.), А.И. Варьяш (1929 г.), В.И. Свидерский, Д.П. Горский, И.С. Нарский, Ю.А. Петров и др. замышляют диалектику логичную, пытаются даже формализовать ее в логически непротиворечивой форме, развести противные стороны противоречия: здесь и не здесь, корпускула и волна, абсолютное и относительное и т.д. – в разные отношения и смыслы путем их уточнения. И все бы хорошо, но вместе с «логическим противоречием» исчезает и «диалектическое противоречие». В чем же тогда оно состоит? – неизвестно. Ликвидация противоречия ликвидирует и «диалектику».

Их оппоненты: М.М.Розенталь, Э.В.Ильенков и др. – поэтому утверждают, что противоположности существуют в *одном* отношении и смысле; иначе же нет диалектического противоречия.

И это так, но тогда оказывается, что языковая форма диалектического и логического противоречия совпадают – и диалектика несовместима с логикой.

С другой стороны, среди логиков появились такие, как Н.А.Васильев, 1910, у нас в Казани, в Латинской Америке Н. да Коста, 1958, А.И.Арунда, 1970 гг. и другие логические лобачевские, которые вознамерились простроить особую логику – с противоречиями, но без каких угодно выводов («паранепротиворечивую»).

Но, пожалуй, наиболее популярны ныне откровенно иррациональные «диалектики» С.Кьеркегора, Н.А.Бердяева, Ж.П.Сартра, К.Ясперса и других экзистенциалистов, «диалектических теологов» К.Барта и П.Тиллиха, неомарксистов М.Хоркхаймера, Т.Адорно и др., которые вовсе отвергают логику: мир абсурден, – и приглашают “жить в абсурдах”.

8.5. Диалектический подлинник диалектики

Противоречие (*antifasis, contradictio, Widerspruch*) – слово многозначное. Смешивание этих значений выливается в бесплодные словопрения, спор глухих, где оппоненты по-разному понимают слова друг друга.

У диалектики есть объективные основания – изменения и противности в самом мире, но иное дело – их субъективные трактовки. Так называемые объективные «диалектические противоречия» безопаснее знать под именем того, чем они в действительности являются – противоединствами.

Антилогические диалектикообразные построения от Гераклита и Платона до Гегеля, Маркса или Адорно я считаю и соответствен-

но именую не диалектическими, а *диалектоидными*, не диалектикой, а *диалектоикой*. Их основной порок – самонадеянные, несамокритичные и бездоказательные, фактуально не обоснованные, расплывчатые, но размашистые умозрения, отчего они не различают объективное исчезновение при превращении в иное и субъективное мысленное отрицание (5.7), диалектическое протиединство, существующее в мире, и логическое противоречие, существующее в уме. В природе нет отрицаний и противоречий; их диалектоизные грезы – разновидность антропоморфного одухотворения природы, заурядного для мистики и спиритуализма подозрения за вещами незримых человекообразных духов, за мировыми законами – мирового разума.

Диалектоизные грезы питаются неопределенностью самих категорий, из которых они ткуются. В самом деле, что такое «противоречие»? Что такое «противоположности»? «Единство»? Их строгий анализ обычно заменяется в духе Гегеля метафорами: «внутренние напряженности», «борьба», «отрицание», «примирение» - «непримиримость», «полюсы», «просвечивание» и т.п.

С определения основообразующих понятий и начнем.

8.6. Противости

Противости (антионы, *αντιον*, «противоположности») – это не что иное, как *максимальные различия* однородного – *однокачественного* – до *разнокачественности*, – в структурах, движениях, свойствах.

Конечно, эта «максимальность» не значит, что, скажем, частица и волна, электрон и позитрон, мужчина и женщина различны лишь количественно, что, так сказать, частица – это всего лишь большая волна, а мужчина – это большее количество женщины (или наоборот, меньшее). Имеется в виду не просто количество какого-то однородного субстрата или движения, а количество изменения того же качества, то есть всего, что его образует, включая структуры и действия (6.2-3), – степень.

Отвергать существование в мире противостей ныне просто невозможно. Все науки наполнены ими: частицы и волны, связи и рози, прошлое и будущее, притяжения и отталкивания, вещество и поле, симметрия и асимметрия, распад и синтез, ассимиляция и диссимиляция, наследственность и мутации, возбуждение и торможение, язык и речь, богатство и бедность, свобода и угнетение,

производство и потребление, истина и заблуждение, индукция и дедукция, дифференцирование и интегрирование и т.д.

Существенным законом противостей является их *взаимоисключение*: в том, в чем они противы друг другу, – они не существуют одно (А) внутри другого (Z):

$$A \rightarrow \neg Z, \quad Z \rightarrow \neg A.$$

Похоже, именно этот закон и отобразился в идее «*борьбы*» противостей, изобретенной левыми гегельянцами и унаследованной также Марксом и Энгельсом с прозрачной целью космической апологии классово́й борьбы и «пролетарской революции». В прямом смысле слова «борьба» бывает в живом, и то не всегда, но не в природе. Где борьба между полюсами магнита? Верхом и низом двери? Между черным и белым? Между электроном и позитроном? Допущение такой – не более чем метафора.

8.7. Противоединство

Противоединство есть единство противостей.

Можно было бы определить его и как единство и взаимоисключение противостей, если б взаимоисключение не подразумевалось в самом понятии противостей и тем самым не создавало плеоназм.

Монолектики обычно ограничиваются констатацией в мире противостей, но не видят их единства. Что такое единство?

Единство противостей означает три отношения: однородность, взаимную определенность и взаимный переход.

1. *Однородность* противостей есть их тождество по роду, «принадлежность к одному роду»: $P(A) \equiv P(Z)$. Черное – белое, но оба цвет; верх – низ, но оба вертикальное положение; плюс – минус, но оба электрические заряды; удовольствие – боль, но оба стимульные ощущения; трагедия – комедия, но оба – страдания, в трагедии серьезные, в комедии – принятые всерьез; мужчина – женщина, но оба люди; рождение – смерть, но оба два края одной жизни, оба мучительны и оба никто не помнит.

Но, конечно, не полное тождество, как передерживает диалектоика, начиная с Гераклита (8.1).

Если же тождества по роду: роза и верблюд, береза и камень, то это – просто различия – как раз ввиду разнородности (6.2.1).

Однако наличие тождества зависит от объективного отношения и, следовательно, от качества вещей (15.3). Те же роза и верблюд противы в качестве растения и животного, а береза и камень противы в качестве живого и неживого.

По этой же причине максимальность («крайность») различия объективно относительна. Так, относительно человеческого глаза противы концы спектра – красное и фиолетовое, но весь-то видимый нами спектр – всего лишь небольшая часть частот электромагнитного излучения – и в них они уже просто различия. Аналогично является ли вещество проводником или изолятором, зависит от электрического напряжения на полюсах. Так же объективно относительна противость тепла и холода, света и тьмы и т.д.

Поиск *безотносительной* противости нелеп.

– Извините, вы не скажете, где противоположная сторона улицы?

Прохожий показал через дорогу.

– Странно. А там говорят, что противоположная сторона здесь.

2. **Взаимная определенность** противостей вытекает из предыдущего, из их сущности как максимальных различий однородного: различие противостей является максимальным лишь относительно друг друга; поэтому противости определяют одна другую, а в случае взаимодействий даже создают друг друга – и оттого невозможны друг без друга: $\neg A \rightarrow \neg Z$, $\neg Z \rightarrow \neg A$.

В самом деле, нет верха без низа и наоборот. Нет большего без меньшего: если $a > b$, то обязательно $b < a$. Как мы знаем, нет тождества без различия (4.1). Нет юга без севера. Нет нового без старого. Нет следствия без причины и наоборот. Нет жизни без смерти: разложение (диссимиляция) находится внутри живущего как его сторона, единая с противой стороной – воссозданием себя. Нет животных без растений и наоборот: гетеро- и автотрофы питают друг друга собой и своими продуктами. Нет хищников без травоядных, но и травоядные без их селекции хищниками гибнут от перенаселенности, бескормицы и болезней. Когда нет мужчины, женщина – не женщина, а просто человек. Нет производства без потребления и наоборот. Нет господина без раба. Нет мошенника без простофили. Герои невозможны без зла: опасностей, разгильдяев и злодеев. Нет объекта без субъекта, который действует и познает. Доказательство возникает лишь относительно опровержений, как преодоление критики. И т. д.

Однако эту невозможность противостей друг без друга вследствие их взаимного определения ошибочно понимать, как бывает (например, *Ф.Энгельс*, т.20, с.22), в смысле «нераздельности» противостей в пространстве и времени. Обычное дело – электрон летит ту-

да, протон – сюда. В разные стороны могут разойтись мужчина и женщина, мошенник и простофиля и т.д.

3. **Взаимный переход** противоположностей, *оборот*, обращение (μεταβολή, Umkehrung, reverse, turn), происходящее на их пределах – *экстремумах*: минимумах и максимумах.

Переход в противоположность на минимуме понятен всякому. Минимум верха есть середина, а далее – низ. Минимум белого есть серое, а там и черное. Минимум тепла – холод. Минимум ума – глупость. И т.д.

Но оборот на максимуме удивляет. Между тем еще в Древнем Китае Лао-Цзы прославился множеством такого рода наблюдений: «Кто делает большие шаги, не сможет долго идти». «Когда власть слишком активна, народ несчастен». И т. д. А даосизм превратил их в этическую программу «дэ» – отказа от усердия, от чрезмерных усилий. Николай Кузанский поражался тому, что максимальный угол (360°) равен минимальному ($360^\circ = 0^\circ$). Дж. Бруно замечал: «Последняя степень уничтожения есть начало возникновения». (С.291).

Обороты на максимумах повсеместны. Максимум света идет за ультрафиолетовым, но этот свет – для нас тьма. Где на Земле нет севера, юга, востока, запада? все ее пространственные противоположности исчезают? На их максимуме – на полюсах, северном и южном. Лекарство в чрезмерном количестве – яд. Когда возбуждение нейронов чрезмерно (переходит свою меру – границу), оно распространяется на соседние области мозга, вплоть до противных эмоций, – и вот счастье взрывается слезами, горе – истерическим смехом, жажда наслаждения переходит в садизм и мазохизм, потребность дружбы – во вражду, трагедия – в катарсис. Любовь терзающе соединяет наслаждение с муками ада и потому с ненавистью: «Мне ненавидеть тебя надо, а я, безумная, люблю». Жизнь заключается в размножении клеток, но чрезмерное размножение клеток вырастает в раковую опухоль и смерть. Дивная гармония живого – результат естественного отбора, сохранения мутантов, то есть уродов. Конкуренция множества мелких предприятий ведет к разорению многих из них и вытеснению немногими крупными, вплоть до возникновения монополий; но с изменением технологии крупные корпорации становятся невыгодными и распадаются на множество мелких. И т.д.

Сознание обращения максимумов вошло в практическую мудрость общества. Кто чрезмерно рвется вперед, тот попадает назад. Если загребать одним левым веслом, повернешь лодку вправо. От-

крытия новых пониманий приходят в бестолковые головы, которым непонятны старые объяснения. Спешка с созданием семьи оборачивается сюрпризом: от любви до ненависти – одна регистрация брака. В истории сколько честолюбцев рвалось по ступеням карьеры вверх, но в итоге оказывалось на самом дне, покрытые позором, злословием и насмешками.

Когда белогвардейцы пороли крестьян за разорение их усадеб и раздел земли, они готовили победу большевиков. Усердие большевистских продотрядов ради обеспечения голодных городов хлебом кончилось катастрофическим голодом 1922 года. Ленинцы беспощадно рвались к коммунизму, а вернулись в дофеодальную фициальную деспотию. Полная победа большевиков к 1934 году – подавление и коллективизация крестьянства – кормилица страны стала прологом их гибели. Своей безумной жестокостью они восстановили народ против себя, – и в начале 1941 г. армия не могла и хотела за них сражаться. Их спасла жестокость гитлеровцев, поднявшая народ на отечественную войну. Но и после войны треть валового продукта проваливалась на «подъем» колхозов, как в «черную дыру», но обеспечения страны так и не дала. Еще пару десятилетий конец оттягивали нефтедоллары. Но когда в 1985 г. персидские эмираты уронили цены, коммунистическая диктатура рухнула.

Цинь Шихуанди, Иван Грозный или Сталин радели об усилении собственной власти – могущества государства, но, ради этого истребляя народ, губя таланты, разрушая экономику, сделали государство бессильным перед иноземными нашествиями и едва его не погубили. Сверхпатриоты, вроде Гитлера или Хусейна, ставят: родина превыше всего, – но ее и доводят до разрушения и крушения. Антиалкогольные кампании в США 1920 гг., в Советском Союзе 1985 г. рассчитывали на полное искоренение зла, а привели к его колоссальному распространению и полной неподконтрольности. Доброе правительство решает облагодетельствовать бедных – повысить зарплату, но это оборачивается инфляцией – и они становятся еще беднее.

Фактов много. И тем не менее никакое накопление примеров не доказывает всеобщности обращения противостей, если оно не выведено из его собственной сущности. И не доказывает как раз потому, что не устанавливает его границ. Если неизвестно, каков именно этот минимум и максимум однородного в противостях и тем более, когда, при каком его количестве, происходит их обращение, то всегда можно указать еще больше фактов, когда однородное качество

возрастает, а никакого его оборота нет как нет. Не потому ли в жизни обращение качества в противное обычно оказывается для людей обескураживающим сюрпризом?

Мне кажется, мы уже добыли необходимые понятия, чтобы выявить системное содержание и определенность оборота из сущности противостей как максимальных различий однородного качества (о нем впереди). Если противости есть экстремумы однородного качества, качество вещи есть ее *связи* с другими вещами (15.2) и потому относятся к ним – его условиям (15.3), а образующее максимальные его различия количество есть различие однокачественного в следовании и направлении (15.4), пространственном, временном или динамическом, то максимальное качество устанавливается максимальным соответствием этим условиям, а потому недостаток или чрезмерность в отношении к ним и приводит к обращению качества в противное.

Такое сущностное понимание оборота противостей раскрывает его границы и тем самым придает ему определенность и точность если не закона, то номии: противости однородного качества существуют в отношении к определенным условиям, а за их границами, иначе говоря, при смене отношения претерпевают оборот друг в друга.

Разумеется, эти «определенные условия» сами подлежат конкретному определению для каждого случая, ибо различны для разнородных вещей. И тем не менее при такой конкретизации закон в простейших случаях допускает даже расчет и предсказание. Так, противости света и тьмы в спектре электромагнитного излучения одни для глаз человека, иные – для глаз пчелы, слепой к красному цвету, но видящей ультрафиолетовый, третьи – для радиолокатора; противости тепла и холода одни для воды, иные – для олова, третьи – для железа – и все поддаются достаточно точному измерению. Так же физика в состоянии рассчитать и предвидеть, при каких напряжениях тока, температурах и других условиях какой-то конкретный изолятор превратится в свою противость – проводник или наоборот.

Но оборачиваются степенные различия именно однокачественные – однородные, а не любые. Зеленый цвет не переходит в тихий звук, вес не переходит в мысль и т.д.

Таковы три отношения, образующие номию противоединства: однородность взаимоисключающих противостей, их взаимная определенность и оборот на экстремумах.

Номия противоединства обнаруживает *эвристическую* и *методическую* силу для познания и практики. Так, она позволяет увидеть противости там, где они не замечаются. Например, что гравитация и инерция – это два противых проявления одного и того же: тяжесть (масса) – источник сразу и ускорения, и сопротивления ускорению, означает как стремление к *движению* – притяжение к другой массе, так и стремление к *покою* – инерцию, а их противоединство и выражается в равенстве гравитационной и инерциальной массы $m_g = m_i$.

Номия противоединства открывает глаза на оборот противостей там, где он еще и не известен. К примеру, где опосредование между противыми электрическими зарядами (+ и –)? Современной физике оно не известно. Мне думается, я догадался, где оно, но здесь не скажу, не желая далеко отступать от темы. Но без знания номии противоединства не возникает даже мысли, что такое взаимное определение и обращение между зарядами должно быть, а потому физики его и не ищут ни теоретически, ни экспериментально, немало теряя на этом.

8.8. Тотальность противоединства

В языке противости выступают под разными именами, смотря какие стороны их единства поднимаются на первый план в сознаниях (коннотациях) этих синонимов.

Слово «*противоположность*» используется, когда упор делается на их противостояние.

Слово «*обратное*» всплывает, когда внимание привлекает оборот противостей.

Слово «*полюсы*» выделяет их пространственную нераздельность.

Слово «*контраст*» сообразно случаям, когда малы промежуточные ступени из взаимного перехода.

Наоборот, слово «*крайности*» означает, что переходные ступени между противостями велики.

Словом *антифизы* (антиобъекты) я называю противости, которые обособились в отдельные вещи (7.2).

Взаимоисключение противостей и три отношения их единства нам неизменно открывались в анализе всех предыдущих категорий: тождество – различие, отношения – вещи, связь – розь, общее – единичное, покой – движение, элемент – система и т.д.

Диалектики обычно говорят: «противоречия всюду» – и перечисляют примеры противостей из разных наук. Но это не только неточно, но и мало. В действительности диалектика состоит не в том, что кое-где встречаются противоединства, а в том, что *все* на свете создается противоединствами.

В самом деле, что такое *предмет*? Носитель свойств, то есть определенных противодействий всяким действиям на него, физических, химических и т.д. Сам закон Ньютона о равенстве действия и противодействия означает то же взаимоисключение и единство противодействий – только в частном виде явлений, механических. Что такое *движение*? Тождество себе и отличие от себя, то и иное, здесь и там. Что такое *время*? Даже без анализа этой категории известно, что время означает отношение исчезнувшего («прошлого») к бытию («настоящему») и возникающему («будущему»), то есть противоединство исчезновения и возникновения в бытии. Что такое *причина*? Исчезнувшее движение, связанное с возникновением другого явления – следствия.

Как мы ранее увидели, весь мир образуют две противости: соотношения розей и связей (6.2-3). Разделительные отношения – рози – означают не связь, а расстояния, положения, подобия и т.д., но как раз они определяют, какими будут связи между вещами, их взаимодействия и зависимости. Таким образом, рози и связи образуют некоторые противоединства – и они объемяют весь мир.

И так, что ни возьми, – все оказывается противоединством. Мир соткан из противоединств.

Тотальность противоединства принуждает к заключению: если где-то мы не видим противоединства, значит это еще плохо познали и поняли. Ход мысли обычный для всех общих законов. Ведь если мы где-то не видим причину, это еще не значит, что причины там нет, что открыто беспричинное явление.

8.9. Филиация противоединства

Противоединство всеобщее, однако в каждом типе явлений оно видоизменяется сообразно его специфике, выстраиваясь, как мне кажется, в семь основных генетических уровней – типов:

1. *Противодействия*: притяжение – отталкивание, давление – сопротивление и т.д. Или зависимости – независимости. Вообще связи – рози.

2. **Антипроцессы** – результаты противодействий: движение – покой, аннигиляция частиц в электромагнитное излучение и возникновение из электромагнитного излучения частиц, окисление – восстановление, распад – синтез и т.д.

3. **Симметрии** – соразмерная одинаковость сторон объектов есть проявление антипроцессов: верх – низ, черное – белое, холод – тепло, левое – правое и т.п. Восхитительная гармония шаровидности звезды или капли воды, где под минимумом поверхности содержится максимум вещества, создается просто равно (или противво) действием (“равновесием”) противоположных сил – гравитационного или поверхностного натяжения и плазменного или молекулярного расталкивания.

4. **Антифизы** (антиобъекты) (8.8) – противые предметы, системы, создаваемые противодействиями и антипроцессами: античастицы, кислоты – основания, растения – животные, травоядные – хищники, женщины – мужчины и т.п.

5. **Нецеситные противоединства** – отношения необходимости и действительности. На основе естественных причин и законов в живом, а затем в обществе противоединства становятся нецеситными, – создаваемыми *необходимостью* взаимоотношениями между самоуправляющейся системой и миром, которые и направляют ее действия (7.8.2).

Нецеситное противоединство само разделяется на противости: в скрепляющей связи объединений и систем: **лад** – соответствие необходимости и действительности: благо, польза, добро, красота и т.д.; **разлад** – их несоответствие друг другу: вред, беда, зло, безобразия, порок и т.д., экономические диспропорции и т.п.

6. **Межособные противоединства**. В отношениях не со средой вообще, а между живыми же системами, особями и их сообществами, – лад и разлад сменяются **согласиями** – совпадение необходимостей (симбиоз, общность интересов и т.п.) и **раздорами** – рознь интересов, перешедших в рознь дел, вызываемыми заменами живых систем: соперничество, конкуренция и другие конфликты и борьба.

7. **Мыслительные противоединства**: **сомыслия** (соречия) – лады в мышлении и противомыслия, **противоречия** ($A \wedge \bar{A}$) – разлады в мышлении, а, когда мысли разделены между людьми, – это **единомыслие** (и выраженное в речи – согласие) – **разномыслие** и – соответственно – разногласие оппонентов.

Как видим, внутри себя противоединства сами расщепляются на противости – и для них нужно какое-то общее имя; назовем же их *соэтиями* (соитиями ?) и *рознями* (разэтиями).

Соэтие (гармония, комплектарность, взаимная дополнительность, совместность) – общее имя равно(противо)действия в природе, сообразия в отражении, лада в живом, содействия между живым, сомыслия в мышлении, единомыслия и согласия в общественной жизни. Обозначим соэтие символом симметрии кружком $A \circ Z$.

Соэтие обеспечивает относительную устойчивость антифизов в антипроцессах, метастабильность относительно покоя или круговорота и тем самым их соединение в *системы* (7.3): равнодействие протонов и нейтронов образует атомные ядра, равнодействие нуклонов и электронов – атом, равнодействие между атомами – молекулы и т.д.; соэтие мыслей создает теория: согласие создает общественные организации от семьи до государства.

Рознь – общее имя разнодействия, разлада, раздора, противоречия и разногласия. Обозначим ее символом асимметрии – полукругом $A \text{ D } Z$.

Рознь является источником движения и тем самым распада системы на элементы и их перекомбинации в новую систему, где рознь переходит в соэтие.

Частным случаем соэтия и розни являются существующие в процессах антагонизмы и синагонизмы.

Антагонизм – такая рознь противоединства, в котором рост одной противости происходит за счет другой. Причина такого взаимно обратного отношения заключается в законах сохранения. Поэтому антагонизмы свойственны вовсе не одному только обществу. Таковы отношения между веществом и электромагнитным излучением, твердым телом, жидкостью и газом в агрегатных превращениях, между реакциями окисления и восстановления, между ингибитором и химической реакцией, между хищником или паразитом и жертвой, между эксплуататором и эксплуатируемым, между соперниками, конкурентами и т.д.

Синагонизм – это такое соэтие, в котором между противостями происходит взаимное содействие. Таковы катализ, ферментация, симбиоз, сотрудничество и т.п.

Но антагонизм и синагонизм могут и соединяться, как в мире живого паразитизм и хищничество может соединяться с симбиозом, как в обществе эксплуатация и конкуренция сразу и подавляют одну из сторон, и способствуют развитию целого. Не очень-то радуется,

но тем не менее все более сознается неприятная для людей истина – благотворность для прогресса общества конфликтов, соперничества, конкуренции и борьбы и губительность политической и экономической монополии и подавления свободы.

8.10. Генезис противоединства

Но противоединства – еще не вся диалектика. Современная наука не позволяет монолектикам отрицать в мире противости; иногда ими в какой-то степени пусть смутно и превратно, сознается также и их единство; однако противоединства предстают у них застывшими и вечными. Такой взгляд обычен как для всякой апологетики, из консервативных побуждений освящающей существующие общественные порядки, так и для мирового пессимизма так называемой «трагической диалектики» от Л.Шестова, Ж.П.Сартра и других экзистенциалистов и до маоистов, Т.Адорно, Г.Маркузе и других проклинателей существующего, но видящего его розни неразрешимыми антиномиями.

Диалектика заключается не просто в противоединности мира, но также в развитии противоединств: возникновение различия, разрознение – переход различия в розни и тем самым единение противостей, их развязка – разрешение (Losung, solution), улаживание, тем самым переход разъятия в соятие новой системы есть способ превращения одного противоединства в иное и тем самым развития.

Разрешение розни и превращение противоединства бывает объективным, происходящим в природе или в человеческой практике; но объективное разрешение практической проблемы подготавливается ее субъективным разрешением, идеальным и теоретическим. Мечты влюбленных, открытие ученого, изобретение инженера, идеалы несчастных, практические замыслы и планы, политические лозунги – все это не что иное, как разрешения проблем.

Диалектики Гегель (т.5, с.519-520), а за ним К. Маркс (т.4, с.136) и Ф. Энгельс (т.20, с.343, 640) усматривали в «противоречии» «источник» движения и развития. Эта идея явно односторонняя и упрощенная, изображает дело так, будто движение «возникает» из «противоречия», – в противоречии с естественными законами сохранения энергии.

Естествознание устанавливает совсем иное: неравнодействие (дисбаланс, разность энергии) причиняет движение, но само это не-

равнодействие причиняется каким-то предшествующим движением; таким образом, происходят *превращения* движений через неравно-противодействия, дисбалансы действий.

А что касается развития общества, то тут картина еще замысловатее. В обществе действие дисбалансов не обязательно направлено к человеческой необходимости, но может толкать против прогресса, если не будет преодолено разумом и активностью самих людей. Так антагонизмы феодальной и феодальной власти с трудящимися подавляют их свободу и инициативу и тормозят прогресс, а тысячелетия истории этих формаций показали, что внутри них нет классов, способных преодолеть эти антагонизмы, что освободительные страды появляются в них только с их разложением и вытеснением рыночным укладом.

В царстве живого, а затем в человеческом обществе развитие идет не через простые естественные балансы и дисбалансы действий, а через взаимные переходы разлада и лада необходимости и действительности, является не просто естественным, а нецелесообразным.

Другой порок гегельянской и марксистской диалектики – абсолютизация в развитии «противоречия» и его «обострения», явно односторонняя и совсем не диалектическая. И в природе, и в обществе развитие происходит не только через розни дисбалансов действия, но также благодаря соятию их балансов, которые приводят к метастабильности в относительном покое или циклическом круговороте, создающем все системы – от атомов до звезд, соединений кислот и оснований в соли и гомеостаза живых существ.

Обобщая, пожалуй, можно признать: развитие идет как через рознь и разложение, так и через соятие и синтез систем: развитие создается противоединством розни и соятия.

8.11. Противость противоединства и противоречия

В заключение вернемся к началу, на основе выявленной диалектики противоединства попробуем решить проблему его отношения с логическим противоречием (8.2-4).

Откуда происходит эта идея «диалектического противоречия», существующего в самом объективном мире? Что соответствует ей в мире?

Из нашего анализа видно, что за «противоречия мира» диалектики принимают его противоединства, туманно создаваемые и потому превратно толкуемые.

Между тем различие их глубоко. Сравним их примеры.

Вот **логические противоречия**: Монета белая и не белая. Находится вверху и не вверху. Является долгом и не долгом. Действует на ладонь и не действует на ладонь. Дифференциал $dx = 0$ и $dx \neq 0$. Материя делима и не делима. Двигаться – значит быть здесь и не здесь. И т. д.

Как видим, логическое противоречие означает конъюнкцию суждения и его же отрицания $A \wedge \bar{A}$; поэтому его можно обозначить перечеркнутой конъюнкцией **A**.

Диалектическое противоединство выглядит существенно иначе: Монета белая и темная. Находится вверху и внизу. Является долгом и ссудой (кредитом). Действует на ладонь и подвержена действию ладони. Дифференциал $dx = 0$ (в “высшем порядке малости”) и $dx > 0$. Материя делима и слитна. Двигаться – значит быть здесь и там. И т. д.

Как видим, противоединство, наоборот, означает единство противостей (8, 6-7): одной \lceil и иной \rceil ; поэтому обозначим его их соединением **П**.

Диалектическое противоединство **П** и логическое противоречие **A** противвы. Их противость заключается в следующем.

1. **Онтологическая** противость.

Противоединства объективны, существуют в вещах, а в познании – как в объективном процессе, например, как единство в нем единичного и общего, индукции и дедукции, образа и знаки и т.д. Субъективно, в мыслях, противоединства существуют лишь как их познание, образы объективных противоединств – до их теории, теоретического противоединства.

А логические противоречия только субъективны, существуют только в мыслях (8.5).

2. **Формная** противость, по языковой форме.

В теоретическом диалектическом противоединстве существуют два утверждения, но противые друг другу сообразно двум объективным противостям. Обозначим их поэтому двумя противыми крайними буквами алфавита, первой и последней **a** \wedge **z**, **A** \wedge **Z**. Черное – это не любое отличие от белого; низ – не любое не верхнее, электрон – не пустота («дырка») вместо позитрона. И т. д.

В логическом же противоречии существует только одно утверждение (A) и его же отрицание (\bar{A}), которое означает только пустое отличие от утверждения (A), без утверждения чего-то иного, то есть

просто констатирует нарушение тождества. В логике его называют контраридикторным. Поэтому это отрицание $\neg A$ означает *любое* из бесконечного мира, что отлично от A. Например, не белый – это все виды небелого: серый, голубой, красный, зеленый и т.д., и даже соленый, громкий и т.д. «Не вверху» может означать и внизу, и в середине, и далеко в стороне, и даже еще выше.

Утверждение и его отрицание означает два взаимоисключающих *веления*: мыслить утверждение и тут же не мыслить его, совершить действие и не действовать; поэтому-то логическое противоречие ведет к параличу мысли и параличу действия. Отсюда

3. **Алетиологическая** противость – по отношению к истине.

Диалектическое *противоединство* существует в вещах; поэтому его высказывание может быть истинно, хотя, конечно, может быть и ложным и поэтому не служит формальным критерием истинности; но отсутствие противоединства в объяснении – явный признак в нем заблуждения или по меньшей мере неполноты.

Наоборот, логическое *противоречие* ложно и служит формальным критерием ложности содержащих его мыслей – абсурдом (8.1).

4. **Причинная** противость.

Причина *диалектического противоединства* заключается в нарушении тождества вещей самим себе при их *изменении* – до максимального различия, противости (8.6). Монета при переходном проценте никеля в сплаве остается еще белой, но уже и темнеет. Если ее поднять, она в некоторый момент оказывается еще внизу, но отчасти уже вверху. Если ее мне ссудил банк, она и мой долг банку, а для банка – не долг, а кредит. В исчислении принимается $dx = 0$ из практической *необходимости*, хотя $dx > 0$ в силу того, что *логически* предел недостижим, как число π или $\sqrt{2}$.

Причина *логического противоречия* – тоже нарушение тождества, но не объектов, а понятий в умозаключении: «S есть M, M есть P \vdash S есть P» – посредствующих понятий, «средних терминов» $M \equiv M$. Закон непротиворечия есть тот же закон тождества понятий, но высказанный не в утвердительной форме, а в отрицательной: « $\neg(A \wedge \neg A) \equiv (A \equiv A)$. «Не должно подразумеваться то и не то» \equiv «Должно подразумеваться то же самое».

В рассуждении: «Материя вечна. Ситец есть материя. Следовательно, ситец вечен» – противоречие с эмпирическим знанием недолговечности ситца возникает от употребления слова «материя» в разных значениях – в философском смысле субстанции мира, и в

текстильном смысле – одного из видов ткани, то есть от нетождества посредствующего понятия $\mathbf{M} \equiv \mathbf{M}^*$. Аналогично противоречивый вывод «Монета белая и не белая» ($\mathbf{P} \wedge \neg \mathbf{P}$) получается, когда понятие никелево-медного сплава скрывает разный процент никеля: в белом нейзильбере он велик, в желтой латуни – мал.

Диалектоизные обвинения логики, будто она в отличие от диалектики рассматривает мир не в движении, а в покое (8.4), нелепы, ибо логика рассматривает вовсе не мир – и ни в движении, ни в покое, а формы и законы мышления о мире, будь оно как о движении, так и о покое. Ее требование себетожества относится совсем не к вещам, а к понятиям, да и то не всем, а только опосредующим одно и то же умозаключение ($\mathbf{M} \equiv \mathbf{M}$). А за этими границами и понятиям дозволено меняться.

5. *Реляционная* противость.

В диалектическом противоединстве его противости существуют и в одном и том же отношении – обе тождественны по роду \mathbf{P} ($\mathbf{A} \equiv \mathbf{P}$ (\mathbf{Z}): белое – черное, но оба цвет, верх – низ, но оба положение, долг – кредит, но оба деньги и т.д., но и в разных отношениях – взаимного исключения: $\mathbf{A} \rightarrow \neg \mathbf{Z}$, $\mathbf{Z} \rightarrow \neg \mathbf{A}$ (8.6).

Почему такое возможно? Потому что у слова «отношение» \mathbf{R} есть *два смысла*: одно и то же само отношение \mathbf{R} между \mathbf{A} \mathbf{R} \mathbf{Z} и разные концы этого отношения \mathbf{AR} и \mathbf{RZ} , на одной стороне – отношение к \mathbf{A} , на другой стороне – к \mathbf{Z} . Как видим, «разные отношения» одного и то же «отношения» здесь не логическая ошибка, а существуют объективно и только кажутся противоречием при замечании двусмысленности, – как бывает обычно (8.11.4).

А в логическом противоречии утверждение $\mathbf{A} \wedge \neg \mathbf{A}$ и его отрицание $\neg \mathbf{A}$ употребляются в одном и том же отношении, потому что утверждение здесь всего одно.

Сведем противость противоединства (Π) и противоречия (\mathbf{A}) в схеме:

Π	\mathbf{A}
1. Объективно	1. Субъективно.
2. Позитивно: соединяет <u>два</u> противых утверждения.	2. Негативно: <u>одно</u> утверждение и его отрицание.
3. Может быть истинно; его отсутствие – признак неполноты знания.	3. Всегда ложно.
4. Связано с нетождеством	4. Возникает от нетождества

вещей.

5. Существует в одном отношении, а в нем – в разных; – разноотнесенно.

понятий в умозаключении.

5. Существует в одном и том же отношении, – одноотносительно.

8.12. Основания смешения противоединства и противоречия

Противоединства и противоречия противы друг другу (8.11), но вся диалектоика вырастает из великой иллюзии: противоединство есть противоречие. И у такого заключения имеется свое веское основание: изменение вещи ($A \rightarrow B \rightarrow C \dots$) означает возникновение в ней нетожества себе ($A \uparrow \equiv B \uparrow \equiv C \dots$) (8.1); поэтому в *изменяющемся* любые различия ($A \wedge B, A \wedge C \dots$) и уж тем более максимальные различия – противости ($A \wedge Z$) предстают для мысли в виде взаимных отрицаний $A \wedge \uparrow A$.

Иное (B) есть не то ($B \equiv \uparrow A$), поэтому «то и иное» ($A \wedge B$) вполне законно может мыслиться как «то и не то» ($A \wedge \uparrow A$). Там есть не здесь, а потому «здесь и там» законно может мыслиться как «здесь и не здесь». Отталкивание есть не притяжение, а потому «притяжение и отталкивание» предстает «притяжением и не притяжением». Зло есть не добро, а потому про «добро и зло» правильно сказать «добро и не добро» И т.д. $A \wedge B \equiv A \wedge \uparrow A, A \wedge Z \equiv A \wedge \uparrow A$. Чем не логическое противоречие? Так изменение и противоединство предстают противоречием (8.1). Таково базовое рассуждение всей диалектоики от Гераклита до Гегеля, Маркса и Сартра.

И все же изменение и противоединство – это далеко не противоречие: ($A \wedge B$) $\uparrow \equiv (A \wedge \uparrow A), (A \wedge Z) \uparrow \equiv (A \wedge \uparrow A)$. В противоречивом изображении мира диалектоика упрощает реальность изменения, также как его максимума – противоединства.

Изменение есть *становление* различия, но вовсе не одно его *начало* и *итог*, «то и не то», ($A \wedge \uparrow A$), как оказывается в диалектоике. Скажите, сумерки – это день или ночь? Движение – это бытие здесь или там? Оранжевый – это желтый или красный? Вирусы, образованные одной нуклеокапсидой без собственной клетки и живущие только в чужих клетках, – это живые существа или нет? Прокариоты (доядерные существа) или грибы – это растения или животные? Питекантроп – это человек или еще его предок? Разве не ясно, что такие ступени есть и не то, и не иное, «ни то – ни се», а переходные, степенные состояния (5.10), чьи уточнения в конкретике могут быть

бесконечны. Диалектика же, вопреки всем своим обличием обратного, мистифицирует изменение в черно-белую картину «да и нет», «то и не то», $A \wedge \neg A$, но незаметно упускает как раз само-то изменение, сам переход *между* A и $\neg A$, оставляя лишь его начало и конец.

Истина диалектики заключается в ином.

Она исходит из конкретных тождества и различия (4.3), то есть из их противоединства. Изменение (A в B , $A \rightarrow B$) означает тождество себе (A) *не полное* и отличие от себя ($\neg A$) *не полное*, то есть, как говорится, «ни то - ни се» ($\neg A \wedge \neg B$), а каждый раз какую-то *степень* изменения: изменяющееся есть еще то *отчасти* (в некоторой степени A') и уже иное (B) тоже *отчасти* (B'):

$$(A \rightarrow B) \equiv ((A' \wedge B') \wedge (\neg A \wedge \neg B)) \supset (A \wedge \neg A),$$

иначе говоря, нет никакого основания говорить о полной начальной вещи (A) и о полном отличии от нее ($\neg A$), никакого логического противоречия $A \wedge \neg A$.

Эта частичность в свою очередь подлежит *уточнению в отношении* к конкретным условиям: в такое-то время в таком-то месте в таком-то отношении вещь есть *та* в такой-то степени, части: A' и *иная* B' в такой-то степени, части. Вирус сам по себе мертв, кристалл, но, попав в ядро клетки, оживает и начинает размножаться.

Так из относительности градаций тождества – различия, сохранения – изменения образуется их абсолютность (4.5, 5.12). Поэтому достаточно строгий и конкретный логический и математический анализ всегда обнаруживает, что вещь есть *абсолютно та* в своем определенном *отношении*, а *не та* – в ином отношении: месте, времени, степени, свойстве и т.д. Поэтому логического противоречия здесь нет.

Относительная абсолютность тождества и различия устраняет антилогическую казуистику диалектики. Тут развязка всевозможных апорий, таких как у Гераклита и Зенона. Эта развязка и производится всей историей *точного* (!) естествознания. Диалектика во все не противоречит логике.

Но логическое противоречие путают еще с разновидностью противоединства – *рознью* (8.9), которая и, в самом деле, имеет с ним сходство, пожалуй, еще большее, включает не только объективные разнодействия, но также беды, вражду и прочие разлады живого с миром и даже сами противоречия мышления. Тем не менее, как все противоединства, рознь отлична от логического проти-

воречия: она объективна, ее языковая форма может быть истинна и образуется из двух утверждений.

Так под пристальным взглядом рассеиваются диалектоизмы и иллюзии «объективных противоречий». Но остается признать, что для *спиритуалистического* подозрения тождества мышления и сущности мира диалектоизмное проецирование на объективный мир субъективных противоречий, воображение «объективной диалектической логики» достаточно логично.

Антилогическое вознесение логических противоречий в некие священные «диалектические» стало удобным инструментом *софистики*, дающим возможность любым непоследовательностям и абсурдам ускользать от опровержения. Диалектика позволяла Марксу несообразности своей «трудовой теории стоимости», вроде «обмен товаров эквивалентен и не эквивалентен» – оправдывать в качестве «диалектических противоречий» (т.23, с.174). Прикрываясь «диалектикой», Ленин мог весь год призывать к выборам Учредительного собрания, а, обнаружив себя там в меньшинстве, его разогнать; ради захвата власти декретом провозгласить «земля – крестьянам», а, укрепившись во власти, отобрать землю государству; сперва обещать «социалистическую демократию» для трудящихся, доступную «любой кухарке», а потом расстреливать крестьян и рабочих, а «рабочую оппозицию» в собственной партии – запретить; и всю эту беспринципность объявить «диалектикой» (т.42, с.286-290).

8.13. Единство диалектического противоединства и логического противоречия

Но логическое противоречие является верхней ступенью противоединства (8.9); поэтому противоединства и противоречия как противности находятся не только во взаимном исключении, но и в единстве. В чем оно? Как всегда, единство противоединства и противоречия образуют три отношения:

1. **Однородность** их как антионов: противоречие есть максимальное различие в филиации противоединства; таким образом, оба есть противности, стороны изменения себестоимости: противоединство – изменения вещей, противоречия – изменения мыслей.

2. **Взаимная определенность** и оттого невозможность их друг без друга.

Но, разумеется, **не** в том смысле, что противоединства не могут существовать в мире сами по себе. Противоединства существуют в мире и **до** возникновения человеческого мышления, а в нем логических ошибок (8.7.2). Противоединства и противоречия взаимно определяются лишь в качестве противоположностей: противоединства мира своей объективностью, истиной, позитивностью и равноотнесенностью противостоят противоречиям мышления, субъективным, ложным, отрицательным и одноотнесенным (8.11.1-5).

3. **Оборот** (\rightleftarrows или \leftrightarrow) друг в друга: $(A \wedge Z) \leftrightarrow (A \wedge \bar{A})$.

Превращения противоединства в противоречие мы уже видели: неведение *степени* изменения и противоединства в вещах предстает для нас как логическое противоречие (8.12). Когда вещь (субстанция, сплав и т.п.) изменилась, а мы этого не замечаем, тогда мы и приходим к ошибкам противоречия самим себе (8.11.4).

Но углубление понимания мира, стоящего за абсурдом, разрешает его и возвращает нас к объективному диалектическому противоединству. Так, тысячелетняя контроверза геоцентрической теории Птолемея и гелиоцентрической теории Коперника разрешилась осознанием, что обе истинны, отчасти, и обе ложны, отчасти, хотя эти части в них различны: и Солнце, и Земля – оба вращаются вокруг не друг друга, а вокруг общего центра своих масс (и вдобавок масс других планет), но вследствие сравнительной малости массы Земли этот центр находится внутри светила.

Мы своей собственной жизнью постоянно превращаем логические противоречия в диалектические противоединства, потому что ошибки наших мыслей оборачиваются практическими разладами, то есть уже объективным диалектическим злом на производстве и в общественных раздорах, их трагедиях и комедиях (8.9.5-6). Но именно силой этих страданий логические противоречия человеческого мышления обостряются в наши **проблемы**, практические, аксиологические и теоретические, выливаясь в недоумения и сомнения, ожесточенные споры и мучительные поиски истины и идеала, путей и средств спасения от проблем (8.10), а через эти тернии разни разрешаются – улаживаются в озарениях, открытиях, изобретениях, замыслах, планах и в их претворении в делах и благодаря им превращаются в объективные соятия лада, блага и добра.

Однако эти циклические метаморфозы человеческой истории отнюдь не дают основания величать логические противоречия диалектическими. Кроме как верхней ступенью их филиации (8.9.7).

Наоборот, эти диалектические обороты практики совершаются как раз потому, что в них логические противоречия остаются именно логическими противоречиями, проклятым абсурдом, признаком заблуждения и причиной зла. А иначе кто бы стал рваться к их разрешению?

12. Закон и закономерность

12.1. Происхождение понятия

Ранее (6.3) мы узнали, что связи между вещами бывают двух видов: действия и зависимости, - и рассмотрели (8,10) структуру действия. Теперь на очереди зависимость – соответствие изменений вещей изменениям отношений между ними. В различиях зависимостей я усматриваю содержание категорий закона, непреременности, случайности, вероятности и др.

Даже первобытные люди эмпирически знали много законов: камни падают вниз, солнце всходит и заходит, вода течет, магнит притягивает и т.п., хотя, конечно, это было знание без теоретического выявления (экспликации).

Но смутное понятие о законах возникло давно. Античные философы-материалисты, такие как Демокрит, Эпикур, Лукреций, именовали их «обычаями природы» или «порядком», «способами» (тропов), «договором» (foedus) или просто «природой (физис) вещей», или «ходом вещей»; древние китайцы, например, Лао-Цзы (с.116, 122, 127) – путем природы (дао), Леонардо да Винчи – «правилами природы» (с.143, 253), Ф.Бэкон – ее «формами» (т.1, с.238, т.2, с.23, 83), а спиритуалисты – разумом мира (нусом, логосом) или идеями, провидением всевышнего, «путями господними». Такое одушевление законов одинаково от Платона (т.3, ч.1, с.470-478) и Плотина (с.538-554), Августина (с.4, 180-181) и Фомы Аквинского (с.145-149) до Гегеля (т.6, с.296-319), М.Планка (*Plank M.*, S.14-15) и В.Бруггера (*Brugger W.*, S.340-341).

Как видим, эти *антропоморфные* названия подбирались по аналогии с разными тождествами в человеческом поведении. За этими оборотами подразумевали некие *тождества* в самой природе, единообразия, постоянства, устойчивости, регулярности, идентич-

ности в явлениях. Однако в чем именно они состоят, сколько-либо определенных формулировок не было.

Попытки теоретического выявления природных постоянств начались еще в античной философии. Но оказалось, это не так-то просто сделать.

Аристотель готов к обобщению: «Все тела стремятся к центру Земли». Однако тогда почему же пламя взлетает вверх? Почему звезды остаются на небе? Аристотелю пришлось разделить тела по категориям их «естественного места», к которому они стремятся; но чем вызывается такое подразделение, осталось тайной.

Термин «закон» тоже антропоморфный по происхождению. В языке он первоначально долго имел исключительно юридический смысл общественного установления пределов для человеческих действий: греческое слово νομος – раздел земли, обычай, латинское lex – от индоевропейского legh – лежать, уложение, русское «закон» – граница кона, места, куда надо попасть, немецкое Gesetz – от setzen – ставить, класть, то же английское law. Так было и у философов – как материалиста Демокрита (с.129), так и идеиста Платона (т.1, с.223, т.3, ч.2, с.83), хотя Демокрит иногда говорил о законах природы, четко отличия их от человеческих: они неодушевленны («неразумны»), никем не придуманы и не могут быть нарушены (с.67; 1935, с.156).

В науку термин закон («естественные законы») ввели деисты 17 века – из допущения в природе подобия юридических законов, какие как раз тогда утверждались в жизни Западной Европы, но установленных для природы природой же или богом. В естествознании в таком смысле термин впервые появился у Декарта (с.204, 486) и Ньютона (с.50-51).

Потребность в познании законов была всегда, потому что их знание необходимо: он дает нам объяснение и предвидение явлений, тем самым служит условием практики, ее целесообразности, делового предвидения, опережения и направления. И первые достаточно точные формулировки естественных законов, даже математические, в уравнениях и кривых графиков, появились тогда, когда они стали нужны практике – для конструирования и управления работой механизмов – как устройств, которые должны быть построены точно, чтобы действовать единообразно и самостоятельно, без людей, как раз по природным законам.

12.2. Что такое закон?

К настоящему времени наукой сформулированы тысячи законов. Но общепринятого понимания и определения, что такое закон вообще, нет до сих пор.

Обычно философы связывают закон с какими-то единообразиями (Gleichförmigkeit) бытия, мировыми постоянствами, повторениями в движении вещей, лежащими в их сущностных отношениях (12.1). Верно ли это?

В начале 19 в. А.Кетле и другие статистики были поражены открытием в обществе устойчивого сохранения процента браков и разводов, рождений и смертей, драк и краж, коммерческих сделок и переездов и т.п. Числа удивительно повторялись из месяца в месяц, из года в год. Публика была воодушевлена: наконец-то открыты естественные законы общества. Однако законы ли это? Ну, что за закон, что, к примеру, в Лондоне в такие-то годы в месяц совершалось около 300 крупных краж, а Париже – около 250, а потом числа изменились? Подобные эмпирические регулярности наблюдаются и во вращении планет, и в погоде, и в росте растений, – в мире их бесконечно много. Должно быть, в них проявляются какие-то законы; но сами они разве законы? Почему же? Почему они не дают нам ни универсальности, ни прогнозов?

Может быть, законом является не любое постоянство, а постоянства *связей* между явлениями? В окружающем хаосе впечатлений повторяющиеся связи ум наблюдает то и дело. Вот мы чувствуем на лице холодок, слышим шум ветра – ожидаем и видим, как склоняются в сторону ветви деревьев, как по воде бегут буруны волн. Увидели вспышку молнии – ждем и слышим гром. Все это привычные нам связи между явлениями – и за ними, должно быть, есть какие-то естественные законы.

Но вот мы встретили черную кошку, увидели месяц с левой стороны – и вскоре нас постигла неудача: она ведь приключается с каждым чуть ли не каждый день и не по разу. Что это, тоже связь? Естественный закон? Или мистическое знамение? В чем же их различие?

В октаве – семь тонов, в спектре света – семь основных цветов, психологически выделенное для нас число – семь. Есть ли здесь общий закон? Или просто совпадения из разнородных областей, - между которыми нет ни действия, ни зависимости, - никакой связи?

Похоже, и такое понимание закона – как тожества связей – тоже недостаточно. Чего же в нем не хватает?

Сравним его с общепризнанными примерами законов. Вот закон Ньютона – об уменьшении силы (f) тяготения масс (m_1 и m_2) пропорционально расстоянию (r): $f = G m_1 m_2 / r^2$. Как видим, закон означает не просто постоянство явлений или связей между ними, но еще их зависимость от отношения между ними. В этом законе – от расстояния.

Итак, в первом приближении закон есть совокупность *зависимостей* между изменениями вещей (стало быть, их действиями) и *отношениями* между ними – условиями. Иначе, если раскрыть смысл термина зависимость (6.3.2), закон есть *тождество* («постоянство») изменений вещей при тождестве отношений.

Такое определение сразу обращает наше внимание на отличие закона от мистических или иных подобию в изменениях вещей и их связей, - в них нет зависимости от конкретных отношений конкретных условий.

12.3. Различие закона и причины

В чем различие закона и причины? Может быть, причинная связь – частный случай закона? Часто эти слова употребляют как синонимы. И в самом деле, разве зависимость не может быть причиной каких-то событий? В ньютоновом законе изменение расстояния (r) изменяет взаимодействие (f) между массами. Таким образом, непосредственной причиной встречного движения масс остается все же действие, но опосредованно, через него, началом оказывается изменение отношений (расстояний r , времени t , или других «параметров»), но сама зависимость действия от отношения не меняется, стало быть, не является причиной.

Как видим, категория закона более богата и конкретна, чем причина: закон включает в себя действие между вещами, тем самым их изменение, его причину, но сверх того, также и его следствие, а сверх того – еще и их зависимость от отношений между вещами – весь комплекс причинения (детерминации).

12.4. Объективные и субъективные законы

Надо различать три значения слова закон.

1. Сами *объективные* зависимости изменений от отношений.
2. *Знание* законов, их субъективные формулировки, образы или обозначения зависимостей, изменений, отношений.
3. *Юридические* законы – единообразные правила действий между людьми, нормы, устанавливаемые и охраняемые государством.

Их очень нередкая путаница приводит к недоразумениям и нелепым высказываниям. Вроде анекдотического вопроса школьника к учителю:

– А как люди держались на Земле до открытия Ньютоном его закона?

Материалисту может показаться невероятным, но феноменалисты как раз и сводят законы к субъективному знанию, дипломатично говоря не о «законах природы», а о «законах науки», – тонкость, на которую непосвященный не обратит внимания, – а существование объективных законов если не отрицают, то по меньшей мере подвергают сомнению.

Такой скепсис начинается с номиналистов (3.1), считавших, что «всеобщее [А сюда входят и законы. – Л.Б.] не принадлежит к самим вещам, которые по своему бытию все единичны» (*Д.Локк*, т.1, с.413). На основании таких соображений Дж.Беркли (с.324) и Д.Юм (т.1, с.277) полагали законы всего лишь понятиями, по кантовскому уточнению, допытными «формами связи» явлений рассудком, которые поэтому «существуют не в явлениях», так что мы их не открываем, а только «накладываем» на мир (т.3, с.118, 212-213). Эта трактовка закона стала традиционной в позитивизме (*Э.Мах*, с.447, *Б.Рассел*, 1957, с.489, 523-524, *Л.Витгенштейн*, с.92, *Р.Карнап*, 1971, с.253-256, *A.March*, S.97, *K.Hempel*, *T.Nagel*, p.51-53 и др.).

Позитивистский скепсис чрезвычайно полезен гносеологии – для исследования того, каким образом происходит познание объективных законов, то есть для преодоления этого скепсиса, для разработки позитивного понятия об объективных законах, но он мало что дает онтологии и практике. Что касается проблемы бытия (реальности), то ее анализ нам еще предстоит впереди.

Однако, пожалуй, не менее печальны последствия путаницы объективных общественных законов и юридических, принимаемых законодателями, наивное убеждение, что государство способно произвольно устанавливать классы, формы собственности, формации, цены, человеческие характеры, мораль – и т.п. этиатические иллюзии, воодушевляющие большевиков и других утопистов.

Законы и категории едины: закон означает зависимость категорий (например, действия, движения, расстояния, времени и т.д.), но и сам закон есть категория: как мы помним, по определению категории – это тождественное, общее. Притом законы и категории едины не только объективно, в самом мире, но и субъективно, в познании: формулировки законов невозможны без категорий как поня-

тий, а категории раскрываются через их отношения, то есть в законах.

Спиритуалистическое сознание субстантивирует законы, вообразает их некими сущностями, скрытыми за явлениями (*Гегель*, т.5, с.546, 600-601, 612), какими-то невидимыми предметами или даже разумом, которые существуют где-то самостоятельно и «проявляются» в процессах или «действуют» на них (*Гегель*, т.4, с.134-135). По существу, это субъективация самого объективного. Материалисты видят в таком представлении законов саму сущность спиритуализма (3.5). И действительно, именно из таких фантазий идут выражения о «проявлении» или «действии» законов. Для нас они только метафоры. Как ранее мы констатировали (11.3), законы – не причины, и процессы – не следствия их. Процессы просто происходят *по* законам, в *соответствии* с ними.

12.5. Всеобщность и обусловность законов

Шарообразность планет и звезд, особенности их взаимного обращения, взрывов и перетоков вещества – все это свидетельствует, что они подчинены ньютонову закону тяготения, потому-то и полагаемому всемирным. В свое время Д.Юм в чрезвычайно тонкой критике привлек общее внимание к безосновательности эмпирических притязаний на всеобщность познаваемых законов, в первую очередь причинности: если закону подчиняются все проверенные нами вещи, то из этого еще не следует, что ему подчинены и все остальные: может быть, так, а, может быть, нет. У скольких законов обнаруживались исключения (т.1, с.168-189, 234). И с Юмом здесь нельзя не согласиться. Есть закон: от нагревания тела расширяются, но вода между 0° и +4°С сжимается.

Это юмовское номиналистическое неверие во всеобщность законов произвело потрясение в самоуверенности естествознания и стало базовым в позитивизме. Но наше понятие закона показывает его несостоятельность.

Если зависимость изменяется от случая к случаю, она еще не закон. Закон означает *тождество* в зависимости тождественных процессов от тождественных отношений (11.2). Отсюда, из самого содержания законов вытекает их всеобщность, универсальность: ведь общее означает то, что является тождественным в единичных вещах (3.3).

Законы всеобщны, потому что существуют всегда и всюду во *всех тождественных* явлениях и отношениях. Поэтому особо огова-

ривать в определении закона его всеобщность мне представляется лишним повтором, плеоназмом.

Из такого происхождения универсальности законов следует чрезвычайно важное заключение касательно их доказательства. *Доказательство всеобщности* любого закона (а в его составе также и *причины* (9.6)) следует из его определения как тождественных зависимостей. Поэтому если где-то закон не соблюдается – значит там, в тех условиях что-то не то, нетождественно. Очевидно, это простая тавтология, – и этот наш тезис не может быть опровергнут никакой эмпирией.

Так, к примеру, непровержим закон прямолинейности и равномерности инерциального движения: если какое-то как будто бы свободное инерциальное перемещение тела окажется тем не менее искривленным и неравномерным, этот факт не станет для нас опровержением закона; мы просто не признаем это перемещение инерциальным, свободным от всяких искривляющих воздействий, пусть пока нам неизвестных.

В частности, таким же образом непровержимым оказывается закон всеобщности причин (9.6). Если нам где-то встретится явление – событие как будто бы беспричинное, мы этому не поверим, а просто решим, что причина у него есть, но нам пока неизвестная, и станем ее искать. И до сих пор в науке и практике так всегда и случалось: причина неизменно находилась. Хотя также известны и пока необъясненные явления, но не являющие доказательства своей беспричинности.

Разумеется, никакое нахождение причин не может стать *законченным* индуктивным доказательством всей бесконечности причин. Такое доказательство – окончание бесконечности – и впрямь невозможно по его самоотрицающему определению. Однако контрфакта, факта беспричинности, опровергающего закон всеобщности причин, нет ни одного и не было, несмотря на множество необъясненных явлений; тогда как подтверждающие индукцию факты необъятны и продолжают множиться. Поэтому допущение беспричинного события остается для нас чисто абстрактным умозрением, не имеющим никакого практического основания.

Но вместе со всеобщностью законы также и ограничены: существуют *не* всегда и всюду, а исключительно в *тождественных* явлениях, условиях и отношениях. По самому своему определению каждый закон существует в своих условиях, таких же самых, но не в иных. Химические законы отсутствуют в горячей плазме внутри

звезд, поскольку там ядра атомов лишены электронов. Законы газов не действуют на Луне, потому что там нет атмосферы. Законы Менделя не может быть вне живого, в физических или химических явлениях.

Классический материализм мыслит законы «вечными», как выражался Л.Бюхнер, «неизменными» (с.41-42); но современный феноменализм допускает «эволюцию законов» или, осторожнее, их изменение с «возрастом Вселенной», – идея А.Пуанкаре (с.407-420), развиваемая П.Дираком, Р.Дикке, Б.Картером и др., правда, ничем не подтвержденная. Да и как подтвердить то, чего ныне уже нет и о чем мы судим как раз по нынешним законам?

Сами авторы допущения фактически толкуют о возможном изменении гравитационной постоянной и некоторых других физических констант в связи с образованием тяжелых элементов, уменьшением плотности вещества с «расширением Вселенной» и т.п. условий. Таким образом, даже в их мыслях на самом деле эволюционируют не законы, а материальные образования, то есть условия, а в них, как обычно, изменяется *действие* законов. Якобы «изменившийся закон» – это просто иной закон, новые устойчивые отношения в новых условиях.

Такова диалектика всеобщности и ограниченности законов. Короче ее можно назвать их *относительной абсолютностью*: законы *абсолютны относительно* своих условий, тождественных (5.12, 9.3, 9.6).

Обусловность всеобщности законов определяет их разделение по степени общности на более и менее общие, частные относительно своих родовых. Так, например, закон всемирного тяготения Ньютона является общим по отношению к закону Галилея о равенстве ускорения всех свободно падающих тел на Земле или по отношению к законам Кеплера, описывающих эллиптические орбиты планет. Эти частные законы дедуцируются из ньютоновых законов при их дополнении соответствующими условиями, хотя исторически наоборот закон Ньютона был получен, кроме прочего, на основе законов Галилея и Кеплера.

Наиболее общие законы – философские, – *номии* (2.1, 2.5.4).

Общие законы существуют в частных, но не тождественны им.

12.6. Объективные законы или свобода

Существование объективных законов в обществе вызывает обычно наибольшие сомнения. Какие здесь могут быть независи-

мые от наших знаний и желаний законы, если мы поступаем как раз по своему усмотрению и желанию? Захотели – подняли руку, захотели – опустили. Людская жизнь – сплошная случайность.

Антропоморфное патернальное сознание и в природе-то за всеми кустами, реками, облаками подозревает действия не законов, а незримых людей – духов; тем более оно неспособно представить объективные законы за историей, а настроено все происходящее в ней объяснять произволом правителей, благодеяниями чудотворных вождей или кознями тайных заговорщиков и вражеских агентов, а под впечатлением разочарований и тщеты своих усилий усматривать в них всемогущую волю того же надмирового духа или судьбы.

Наоборот, старый материализм свои неперенные («однозначные») цепи причин – следствий и законов (9.1, 9.7, 9.10, 12.1) распространяет с природы на людскую жизнь; но образ неукоснительной связи склоняет его к представлению человека марионеткой законов и причин – обстоятельств, которые, получается, царят над ним и над всем миром безглазым и бездуховным надзвездным владыкой, неизбежной судьбой. Такой материалистический фатализм отважно провозглашали Демокрит (с.67-70), Т.Гоббс (т.1, с.238, 531), Б.Спиноза (т.1, с.367, 56, 562), П.Гольбах (т.1, с.209-217), К.Гельвеций (т.2, с.32-33), П.Лаплас (с.9), Л.Бюхнер (с.45-47) и многие другие их единомышленники.

И материалистический фатализм торжествует, несмотря на то, что и он обесмысливает дела и борьбу человека. И то сказать, что усердствовать, если все наши мысли и поступки и их результаты, успехи или провалы, предопределены обстоятельствами? Чему быть, того не миновать. А вместе с тем обесмысливаются и оценки человека и его поступков. Если благородство или злодейство человека предопределяется причинами, то, выходит, они не его заслуга и не его вина, а этих причин, и, стало быть, раб судьбы не подлежит суду, ни моральному, ни юридическому. Никаких оценок, ни одобрений, ни осуждений, ни наград, ни наказаний.

Возмущенной реакцией на это омертвление человека в механицизме явилась идея «свободной воли» – в смысле свободной от неукоснительных причин и законов, *беспричинной* и *беззаконовой*. В качестве своего контекста она предполагает и всю человеческую историю произвольной, лишенной объективных законов. Зато мы оказываемся свободными в желаниях и делах творцами своей жизни, стало быть, ответственными за нее. Как прекрасно!

Однако каковы доказательства исключенности людских желаний и решений из мировой цепи причин? Если все на свете имеет причины и законы, то почему людские поступки беспричинны и беззаконовы? Идея свободы воли противоречит всеобщности причин и законов и остается необоснованной ничем, кроме эмоционального протеста против механистического фатализма. И тем не менее за нее держатся, как за все мифы, просто из ее приятности.

Как видим, обе антиномии в понимании человека: и его произвольность, и предопределенность, – остаются неудовлетворительными и возбуждают безответные вопросы. Как будто б очевидно, людские дела в корне отличны от движений неодушевленной природы, ибо направляются сознанием: мыслями, оценками, целями и следующими из них желаниями. Однако если у всего есть причины и законы, то почему не у человеческого сознания? Но если и человек определяется причинами и законами, то возможна ли человеческая свобода? Правомерна ли его оценка и ответственность? Что такое свобода?

Как вырваться из проклятья этих взаимоисключений?

12.7. Объективные законы людей

И все же и люди движимы объективными законами, но особыми, не противоречащими ни их желаниям, ни свободе.

Исходный изъян обеих номий – и идеистической освобожденности человека, и его механистической предопределенности – я вижу в их превратном представлении человеческих причин и законов, а именно обе номии мыслят объективные законы в обществе такие же, как в природе, а вся разница между концепциями состоит в том, что одна их с возмущением отрицает, а другая – смело утверждает. Тогда как в жизни людей объективные причины и законы существенно *иные*, чем в неживой природе, хотя и возникают из природных и на основе природных.

И эту специфику у них надо бы ожидать заранее. Как и все прочее, общественные законы существуют не где угодно, а тоже в *своих* условиях (12.5), именно – в обществе, а потому через сознание, волю и дела людей, и тем не менее они объективны, не зависят от человеческих знаний, воли и дел.

Как же такая парадоксальность возможна? Это небывалое качество возникает потому, что объективные законы людей являются *необходимыми*, нецеситными, то есть существуют через необходимость.

Необходимость создается природными причинами и законами, когда они переходят на живое, а затем на общество. Так происходит вследствие того, что необходимость, как мы установили (7.8, 10.5-7), – это такие определяемые естественными законами отношения людей и их систем с миром, которые обеспечивают их существование и развитие, а потому без которых или подобных им замен люди не могут сохраняться в своем качестве.

Общественная человеческая необходимость многоуровнева: есть необходимость физиологическая, есть технологическая (производственная), утилитарная, языковая, логическая, эстетическая, познавательная, нравственная, моральная, политическая, экономическая и др.

12.8. Причины и свободная воля

Здесь, в необходимости, заключается разрешение также антиномии причинности и свободы человека (12.6).

Да, бесспорно, человек поступает по своим желаниям, предоступим ему его «свободной волей». Однако сама-то наша воля имеет объективные причины, с одной стороны, в окружающей действительности, а, с другой стороны, в нас самих как особых существах и во взаимоотношении между ними, таким образом, наша воля подчинена необходимости, ибо отсутствующая часть необходимого является нам нашей *потребностью* (10.6), *зло* есть разлад между нашей необходимостью и действительностью, а нашей *благо* – соответствие между ними (8.9). Вот почему *мы не вольны в нашей воле*: все можно пожелать, кроме самого желания. Мы не в силах любить нам отвратительное и ненавидеть милое.

Беспричинности наших желаний нет, но в совокупность их причин входит также и наша самость: организм и сознание, наша духовная и физическая активность (11.7-8); сама необходимость есть *наша собственная* необходимость, а потому по определению следование ей является нашим благом и свободой. Таким удивительным образом *причина и закон преобразуются в свободу*.

Однако необходимость определяет не только человеческие причины, но и в целом человеческие законы.

12.9. Как могут быть нарушаемые законы?

Идея объективных законов, управляющих жизнью людей, издавна пугает своими следствиями. Можно ли объективные законы нарушить? Что за нелепый вопрос? Разве можно отменить законы

Ньютона или Максвелла? Если законы нарушаемы, то какие же они объективные? Однако если нельзя, если законы нерушимы, тогда что же, выходит, есть судьба? Фатализм прав? Древняя контроверза, терзающая обыденное понимание закона.

Но как бы ни удивлялась обыденная номология, я должен указать на эту исключительную особенность нецеситных законов – человек свободен сколько угодно поступать вопреки им. Однако каждое нарушение своего закона лишает нарушителя соответствующего необходимого ему, обрекая на страдание и в итоге гибель, пока он не спохватится и не сделает необходимого. Нарушить технологическую необходимость можно, пожалуйста, но бунтарь получит неудачу и брак в продукции, останется без пищи, одежды, жилищ и т.д., а при упорстве – испустит дух. Мы вольны пренебрегать языковыми законами, но нас перестанут понимать, а непонимания и недоразумения станут нам боком; массовое же взаимонепонимание приведет в хаос все общество. Мы вольны не считаться с логическими законами мышления, но придем к ложным выводам; ошибки же обернутся практическими провалами, а то и гибелью. Мы свободны преступать моральные законы, но злодеяния обернутся страданиями окружающих, их враждой к нам, нашим отвержением и гибелью. Достаточно сильные организации способны нарушить экономическую необходимость, к примеру, в балансовых ценах, пропорциях обмена товаров, но тогда производители в ущемленных отраслях не получают в обмене необходимые им для производства сырье, материалы, технику, захиреют и разорятся, а без их продукции зачахнут и другие отрасли. Государственные мужи бывают в силах преступить политическую необходимость, а с нею и другие общественные необходимости, но это обернется разладом и кризисом моральным, экономическим, производственным, общественным страданием и возмущением – и они будут свергнуты, а то и вместе с властью лишатся и головы.

Таким образом, именно *необходимость* превращает некоторые наши отношения с миром в наши объективные *законы*, которые физически мы можем нарушать, но *вынуждены* им следовать независимо от своих знаний и желаний. У необходимости такая беспощадная хватка потому, что за нею в конечном счете стоят естественные законы: зависимости людей и их систем от причин, условий, основ, отношений.

Как все отношения (6.1), необходимость незрима. Эта наша капризная царица не говорит нам свои повеления, но неотвратимо ка-

рает за их неисполнение, предоставляя нам самим о них догадываться. Нарушив ее неслышные декреты, люди томятся в муках и недоумениях, часто сами не зная отчего, пока не набредут на необходимое, – и тогда со вздохом или облегчением, с проклятиями или восторгами они восклицают великое слово: «Надо!» – хотя обычно не понимают, что такое это «надо» и почему это «надо».

12.10. Идеальность законов

Но упрямое «надо» облекается в наши прекрасные мечты и *идеалы*, привязывается к реальности – в *целях*; из мировых причин мы отыскиваем *средства* их *достижения*, преобразуя мечты в замыслы и планы. Так человеческие нецеситные законы обретают небывалое в природе качество – проходят через сознаваемость и целесообразность дел, исполняясь эстетическими и нравственными переживаниями, поднимаются в человеческую трагедию и комедию, и тем не менее остаются объективными законами, независимыми от наших знаний и желаний, но направляющих наши знания и желания.

В самой нашей *свободе* *воплощается* *необходимость*, а необходимость воплощает в себе наше благо и тем самым наши желания и свободу. Мы свободно дышим и едим, хотя дышать и есть необходимо.

Так в итоге развития сама необходимость превращается в идеальное, выступает идеалом и целью – образом жизненного блага. В этом смысле, действительно, будущее детерминирует настоящее. Но будущее лишь мысленное, а не реальное.

Здесь истинное содержание и границы древней идеи «конечных причин» – целевых (9.2).

Таким образом, общественная необходимость не просто противостоит людям, но является человеческой и всегда чьей-то. Нет необходимости «вообще»; есть необходимое всегда кому-то: какому-то народу, классу, иной страе, организации и индивиду. Эти различия необходимости, а, стало быть, счастья, свободы и правды людей могут сливаться в социальной гармонии, а могут раскалываться разладами, взаимоисключениями и смертельной враждой, выливаясь в драмы и энтузиазм человеческой истории.

Таковыми рисуются мне объективные законы человеческой жизни.

12.11. Как “владеть” естественными законами?

Остается еще одна сторона в пугающем вопросе о нашей судьбе или свободе. Можно ли нам быть свободными от законов природных с их непременностью или над нами – частицей природы – царит сотканная из них неизбежность рока? (12.6). Какой смысл в наших кичливых возвещениях об «овладении законами природы»? Тем более законами нас самих, нашей необходимостью, которая как мы открываем (12.7-8), тоже возникает из естественных законов? Как можно «овладеть законом природы», если он – тождественная зависимость, недоступен изменению никакой силой, ни мольбами, ни наказаниями, остается тем же, непреклонный, глухой к нашим слезам, проклятьям и добродетелям, не знает ни страдания, ни сострадания? Но тогда есть ли отличие мировых законов от судьбы?

Для просветителей общество возникло, чтобы служить «естественным интересам» участников «общественного договора», а поэтому подчинение обществу и есть свобода. Эту мысль восприняли и развивали Спиноза (т.1, с.362, 580-581) и Гегель (т.8, с.17-25, 38-41, 316), трактуя свободу как подчинение природному и общественному закону и государству. Отсюда со всей последовательностью они смело идут на вызывающее заключение, что свободен осужденный на казнь, если он покорен палачам, а недовольный и бунтовщик – раб (Гегель, т.1, с.261). Ж.Руссо логично прорицал, что в будущем обществе строптивного «силой заставят быть свободным», словно предвидел установление коммунистической диктатуры с целью силой осчастливить человечество.

И в своих сентенциях Спиноза и Гегель, конечно, правы, но не потому, что покорный раб свободен, а, наоборот, потому что недоволен и бунтует раб, а довольный и согласный свободен. Их квинтэстские рассуждения не различают природные непременности и человеческую необходимость (9.4) и оттого упускают из виду, что условия могут противостоять необходимому для человека, доходя до антагонизмов, и делать его несвободным.

Однако в преклонении перед Гегелем Ф.Энгельс одобрил его формулу: «Гегель первый [?] правильно [?] поставил соотношение свободы и необходимости [Здесь в смысле непременности закона. – Л.И.]. Для него свобода есть познание необходимости». (Т.20, с.116).

Что значит эта максима? Призыв к подчинению рабству? Во всяком случае, В.И.Ленин и другие коммунистические идеологи охотно ее подхватили для обоснования «исторической неизбежно-

сти» своей «революции» и оправдания своей диктатуры (т.1, с.440, т.18, с.195, т.29, с.296 и др.).

Правда, сам Ф.Энгельс тут же трактует гегелевское положение совсем иначе, в русле общего понимания тогдашнего материализма (как у популярного тогда Л.Бюхнера, с.44): свобода есть «основанное на познании необходимостей [в смысле *непременностей* законов – Л.И.] природы господство над ними и над внешней природой» (с.116), познание «законов природы» и их применение, способность «заставлять» их «действовать для определенных целей» (с.116, 496). И тоже – об общественных естественных законах (с.295).

Согласитесь, это совсем иное, противное гегелевскому определение свободы: не смирение угнетенного, а «господство» знания законов и практического их использования. И едва ли против такого понимания стоит спорить, хотя загадка, как можно «применять» и «заставлять» законы, в то же время полагаемые независимыми от нас, объективными, здесь даже не замечается.

В гордых декларациях о «господстве» и «владении» природными законами, очевидно, имеется в виду факт их «применения» и «использования» в человеческой технике и других сооружениях.

Как же такие освободительные операции могут проводиться над естественными законами? Закон ведь неподвластен человеку (11.2), «объективен» по определению. И именно этим своим качеством закон и порождает в умах фатализм.

По-моему, наша сила и свобода возникают благодаря тому, что между вещами есть не только устойчивые связи – единообразия законов, включая цепи причин-следствий, но еще и *рози* (6.5), делающие вещи отдельными *факторами* (9.9), тем самым создающими возможности (11.3) их разных сочетаний – *комбинаций* и *перекombинаций*, а среди факторов есть и сам человек (11.8). Свобода дается нам тем, что мы изменяем вовсе не закон (закон изменить невозможно), а *действие* закона, точнее, входящие в него причины, условия и отношения (9.9), их *стечение* и его результат – *событие*. А как раз в событии и заключается наша «польза» – «использование» и «применение» закона. Люди не могут отменить тяготение Земли, но могут его использовать в строительстве или преодолеть реактивной тягой. Боль при порезе – закон, но его действие можно остановить анестезией. Падение дождя – закон, но от дождя можно защититься зонтом и крышей. И т.д.

Аналогично и общественные законы объективны, но тем не менее тоже не фатальны, потому что, как и природные законы, они

существуют в своих условиях (9.3-9.5) – общественных, и эта их обусловленность позволяет людям посредством изменения условий приостанавливать или менять следствия их причин – события. Людям необходимы вода, пища, тепло и т.д., но люди могут поселиться возле пресных водоемов, построить водопровод, вырастить урожай или скот, построить жилища и т.д., чтобы удовлетворить эти потребности. При феодализме действуют особые законы хозяйственной и государственной жизни; но при достижении необходимых и достаточных предусловий развития люди способны свергнуть феодализм, а тем самым освободиться и от его законов. В рыночном обществе существует закон роста монополий; но как раз когда В.И. Ленин в начале 20 в. его провозглашал, как неустранимый порок капитализма, в Западной Европе и Северной Америке началось антитрестовское движение и законодательство – и монополии стали запрещать как уголовное преступление и принудительно по суду разделять.

12.12. Есть ли в случайном закон?

Законы механики Ньютона или макроскопической электродинамики Максвелла представлены в уравнениях движения, обозначающих зависимость движения (координаты и времени) вещественного тела или волны поля от силы, импульса, энергии, электрической и магнитной напряженности и других динамических величин, позволяя по одному состоянию, начальному (по значению координат и скорости), рассчитать однозначно последующие. Таковы же законы в механике сплошных сред и макроскопической термодинамике.

Но в огромных разрозненных множествах в движении газов, деформируемых сред, микроскопической электродинамики и термодинамики невозможно вычлнить каждый элемент отдельно. В этих потоках случайностей наука начала отыскание устойчивости вероятностного (статистического) распределения величин (9.3). Ко времени А.Кетгле статистические закономерности были обнаружены в социологии – сохранение из месяца в месяц, из года в год в больших массах людей приблизительно одного и того же процента рождений и смертей, коммерческих сделок и преступлений и т.д. – и даже в их физиологии: сохранение процента людей одного роста, веса, объема груди, силы, быстроты движений и т.д. (12.2). Г. Мендель открыл (1865 г.) статистические закономерности наследования дискретных признаков у растений, заложив тем начала генетики. В

квантовой механике волновое уравнение Э.Шредингера (1926 г.) по форме является таким же, как обычное классическое дифференциальное уравнение распространения поперечных волновых колебаний, и позволяет по начальному значению волновой ψ -функции однозначно вычислять ее значение в любой последующий момент, но амплитуда колебаний (точнее ее квадрат) определяет не место и время, куда и когда попадет электрон или другой микробиъект, а только вероятность их обнаружения там.

Отличие статистических законов от силовых – из них нельзя получить знание определенное и предсказание об отдельном событии с отдельным объектом, а только о его вероятности, хотя в случае многих событий и объектов они сливаются во вполне определенную долю предвидимых.

Так точным («жестким», «однозначным») динамическим (силовым) законам классики, так сказать, мужским, противостояли малопредсказуемые, женственные, вероятностные («статистические») законы, выступающие как некоторая тенденция во множестве случайных отклонений, и ныне такие законы преобладают в физике, космогонии, биологии, экономике, социологии, лингвистике. Их-то и именуют, обычно стихийно, *закономерностями*, подспудно подразумевая, что это не вполне законы, а нечто подобное законам, не тожество зависимостей, а большее или меньшее сходство.

12.13. Как может быть закон вероятным?

Однако что значат вероятностные законы для философии? Если причины постоянны (9.7), то как могут быть вероятностными законы? По вероятностным законам получается, что событие может быть, а может и не быть. Что это за закон такой? Понятно, это зависит от условий, но как же тогда быть с устойчивостью связей – зависимостей в законах? Выходит, материализм неправ, а прав феноменализм? Детерминизм – устарелое учение? Выходит, постоянных зависимостей нет, законы выдумываются людьми, есть только индуктивные описания, образы, наблюдаемые человеком и мысленно налагаемые на объекты как ожидания их дальнейшего движения, «предвидения»? Но вероятностные регулярности среди случайностей в каждом конкретном случае могут преподнести сюрприз, не быть. Значит, вместе со вселенной меняются и ее «законы»? Таким является понимание законов в сенсуалистском материализме и феноменализме. В частности, в современном конвенциализме и позитивизме.

В таком воззрении оказывается логичной подмена объективных законов их субъективными формулировками, а за ними – школярские глубокомысленные недоумения, каким же тогда образом сцепляются друг с другом сами объекты (12.4).

Как совместить вероятностные законы с постоянством причин? С законами сохранения? Являются ли они объективными? Или они лишь порождение нашего незнания или недостаточного знания неприменностных законов?

Однако чтобы полнее ответить на поставленные вопросы, видимо, надо прежде разобраться в происхождении и взаимоотношении случайности, неприменности, а также вероятности.

.

22. К философской антропологии

Фрагменты из книги:

22.1. Материя и сознание

22.1. Почему сознание идеально?

Когда люди говорят о сознании, они имеют в виду свои восприятия, мечты, идеалы, мысли, переживания. Сознание для человека и есть его жизнь. И как бы ни было тяжело окружающее, сознание прекрасно, а потеря разума – сумасшествие страшнее смерти физиологической.

Термин сознание употребляется в двух значениях:

- 1) широкий смысл – *психика* вообще, в том числе и у животных;
- 2) узкий смысл – *сознание* только человеческое.

Психику изучает много наук: психология, нейрофизиология, кибернетика, эстетика, этика, семиотика, лингвистика, социология, логика и другие, – каждая свой аспект. Философию интересуют самые общие законы и номии психики и прежде всего ее отношение с материей, которое почитается даже «основным вопросом» философии.

Проблема сознания и материи обусловлена их взаимной противостью и парадоксальной странностью, даже загадочностью отношения между ними, которая будоражит умы людей тысячелетия.

Противость между материей и сознанием заключается в том, что материя вещна, реальна, есть бытие (18.4, 19.4-5), а сознание бесплотно, призрачно. Существование чувств и мыслей нам дано так же непосредственно, как и вещей, но это существование иное. В чем именно его инакость? В отличии психики от материи (плоти) – до розни и противости.

1. Психика отлична от нейрофизиологических (мозговых) процессов, хотя, как известно, зависит от них. Конкретнее:

1.1. Психика и нейрофизиология различны по своему носителю – *субстрату*: субстрат психики – образы: ощущения, восприятия, представления, понятия, мысли, а в первых клетках обнаружены только ионные потоки (биоэлектрические токи), но ни в какой микроскоп в них не наблюдаемы никакие из субъективно переживаемых образов, тем более не наблюдаемы сознаваемые предметы или их копии; и, наоборот, в субъективно переживаемом нами образе нет никакого сознания образующих его нейрофизиологических процессов. Почему же идеи в мозге невидимы извне, а только изнутри, в самонаблюдении? Или идей там и нет вовсе?

1.2. Психика и нервы различны по своим *законам*. Мозговые процессы следуют законам физики (сохранения энергии, электрических потенциалов и т.д.), химии (ионных токов и т.п.) и физиологии (возбуждения и торможения, их иррадиации и концентрации, взаимной индукции и т.д.), а психика, хотя и основана на них, но тем не менее следует совсем иным законам – психологии: ассоциаций, рефлексов, эмоций, внимания и т.д., а мышление – опять иным законам, отличным и от психологических, – законам логики.

1.3. Отличие психических образов даже от «ощущаемых» – *перцептивных*: образы на сетчатке глаза дрожат с частотой нескольких колебаний в секунду, изменяются в зависимости от расстояния и угла зрения, но мы воспринимаем предмет сохраняющим неизменную величину и форму. Это называют константностью восприятия.

2. С другой стороны, внешней, психические образы радикально отличны от воспринимаемых вещей.

2.1. Отличие по *веществу*: в образе нет ни грана вещества предметов. Перенос образа от объекта в субъект проходит не менее чем через три перелома: предмет образован из атомов и молекул, а к глазу доходит лишь электромагнитное излучение – свет; в свою очередь попавший в глаз свет не идет дальше его ретины и отличен

по субстрату от зрительных ощущений, в которых нет никаких электромагнитных излучений.

2.2. Отличие психических образов от вещей по *свойствам* и *законам*, несмотря на то, что психические образы зависят от воздействия вещей. Идеи не имеют ни цвета, ни тяжести, ни запаха, ни вкуса, ни температуры, ни плотности и вообще никаких физических и химических свойств, не поддаются никакому телесному действию и не оказывают никакого телесного противодействия – в противность материальной реальности. Идеи невозможно толкать или ухватить, как вещь, - они ускользают. На образе стула невозможно сидеть. Образом хлеба сыт не будешь (18.1, 18.4).

Но ведь тем не менее существуют образы и цвета, и звука, и тепла, и тяжести и других физических и химических свойств, хотя, как знает современная наука, объективно-то как раз нет цвета, а есть электромагнитное излучение, нет звука, а есть колебания воздуха и т.д. Но откуда же тогда от бесцветных фотонов возникает ощущение цвета? От беззвучных колебаний атомов воздуха возникает ощущение звука?

2.3. *Пространственное* различие идей и вещей. Оно возбуждает особенную озабоченность – вопрос о местоположении, форме, размерах и т.д. идей.

Где находится сознание? Обычное мнение помещает его в голове, в мозге. А где же еще, не в ногах же или животе?

Однако почему субъективно мы не ощущаем свой зрительный образ, к примеру, стола, находящимся в голове, и не сомневаемся, что он тождествен самому столу? С ним и взаимодействуют наши руки. Почему твердость, холод, тяжесть или боль мы ощущаем именно в руке? Когда болит рука, где локализована боль – в руке или в голове?

Такого рода факты наводят на мнение (например, Ф.Т. Михайлова, 1976), что психическое локализовано «именно во внешнем лежащем передо мной мире» (с.149), - это так называемая «эффекторная концепция чувственного образа».

Но она возбуждает новые недоумения. Если я иду, перемещается ли моя мысль о столе вместе со мной или она остается там, где остался стоять стол? Если я думаю о Луне, улетела ли моя мысль на Луну? А где находится моя мысль, когда я думаю о Гоголе или о чем-то еще, чего давно нет? Или об утопии и вообще о том, чего *нигде* не было?

Почему сохраняются боли и другие фантомные ощущения в конечностях даже после их ампутации? Зрительные или слуховые галлюцинации – даже после потери глаз или перерезки слуховых нервов? Почему эти образы возникают от раздражения нейрохирургом непосредственно мозга? Выходит, что образы все же локализованы в мозгу?

Но в таком случае какой геометрической формы и каких размеров мысль о столе? Если таких же, как сам стол, то как же она умещается в голове? Каковы пространственные параметры идей?

Эти мучительные противоречия от времен Лейбница до Л.А. Абрамяна (1980) склоняют к радикальному выводу о вообще внепространственности идей – в силу их нематериальности: «вопрос о том, где находится идеальное, должен быть отведен, потому что идеальному как таковому не свойственны никакие пространственные характеристики» (с.104).

Объявить, конечно, можно что угодно; но как совместить внепространственность с бытием? Как что-то может быть, но нигде? (20.20) «Если «где?» к идеям не относится, то это значит, что идеи существуют «нигде», то есть вообще не существуют» (Губанов Н.И., 1984, с.80). И таким вопросам нет конца: если образ не пространствен, то как же он делим? К примеру, как образ человека делим на образы головы, рук, ног, глаз и т.д.?

2.4. Различие идей и вещей по времени. Мысль может быть о прошлом, которого уже нет, о будущем, которого еще нет; мысль обгоняет все на свете, в один миг она охватывает всю галактику (конечно, только мысленно); но нервные импульсы довольно медленны ($v < 100$ м/сек). Что быстрее мысли? Да любой прохожий на обледенелой улице: не успеешь подумать, что упадешь, как уже лежишь. Обогнал мысль.

Такое крайнее различие сознания и материи не может не означать их противости. Эта антиматериальность психических образов, их эмерджентная противость своим обусловителям, как нервным процессам, так и вещам заставляет философов обозначать это их загадочное качество словом *идеальность*, по-русски двусмысленным; точнее было бы *идеальность*, от корня идея, а не идеал. (В немецком у Ф.Шеллинга и Г.Гегеля различались *Ideelle* и *Ideal*).

Но, пожалуй, не менее удивительно, что эти-то субъективные образы, столь поразительно отличные от объектов, мы воспринимаем вовсе не как раздражения нервов и не как образы, а как сами объекты, совершенно тождественными и даже находящимися не в

нас, а вне нас, даже на расстоянии от нас, на объектах или вокруг них. И такими дистантными воспринимаются не только зрительные или слуховые образы, но даже осязательные или вкусовые: будучи контактными, они тем не менее проецируются на поверхность тела: мы уверены, что соленое или сладкое – это не наши ощущения, а солена рыба, сладок сахар и т.д. А некоторые ощущения относим даже на конец инструмента, как ощущения прикосновения, давления, гладкости и т.д. – на рабочую часть ножа, ручки, отвертки.

Первым этот парадокс заметил еще Демокрит. Теперь это психическое вынесение образов во вне (объективацию) и наложение (проецирование) на предметы называют *интенцией* или *предметностью* сознания. Интенциально не только восприятие. Любое наше сознание: представление, мысль, речь, любовь, тревога, радость – есть сознание о чем-то.

Иллюзия тождества образа и вещи кажется нам чем-то самоочевидным, даже когда мы знаем, что это не так. А малообразованные люди просто не знают о различии образов и объектов; поэтому не сомневаются, что их образ стола и есть стол. Такое уже теоретическое отождествление образов и объектов называют *презентационизмом* или «*наивным реализмом*».

Чем вызывается предметность сознания, объяснения в науке нет, и идеисты (Ф.Бронтано, Э.Гуссерль, Ж.П.Сартр, М.Хайдеггер и др.) трактуют ее мистически как что-то сверхъестественное, прорыв в мир, трансцендентность.

22.2. Душа

Таинственность сознания склоняет к отрыву его от материи, представлению их рози особой субстанцией, удивительной – самостоятельной, нематериальной, нетленной и, таким образом, бессмертной, скрытой внутри человека, ее носителя, и отделимой от его тленного тела, - тем, что называют душой. Умерший не дышит, потому что выдохнул свою душу – она улетела.

Понятие души возникло еще у первобытных людей, когда загадочного в психике было еще больше. Как понять сон или обморок? Или сновидения? Жизнь в человеке то исчезает, то возвращается. Куда в это время девается сознание? Бродит где-то? Что-то видит? Однако ведь никто этой бродящей души не видит. Выходит, она прозрачна?

Понятие души стало основой религии, а потом перешло в философский спиритуализм с его положением о доматериальном объек-

тивном сознании – духе, лежащем в основе мира, а также в дуализм Аристотеля – Декарта, который предполагал в человеке две субстанции – материальное тело и нематериальную душу, а связь между ними – осуществляемой почему-то через шишковидную железу в мозге (с.611).

Понятие души вошло в обиход и в язык, так что этим словом пользуются и материалисты, но для них душа – просто синоним сознания, духовный мир человека, но не какое-то сверхъестественное нематериальное начало.

Но в целом современная психология и философия избегают слова «душа» (лат. *anima*) как дискредитированное религией и спиритуализмом, предпочитая говорить «*психика*», хотя в греческом это означает то же самое – душа, – и все же в беспереводном употреблении позволяет включить также явления бессознательного. Или выбирая слово «сознание», хотя оно не удовлетворяет тем, что буквально означает только осознаваемое, то, в чем отдается отчет, то есть воспринимаемое и мысленное, а это заставляет отдельно выделять самосознание и бессознательное.

Именно в идеальности сознания: его бесплотности, невещности, беспространственности, безвременности и т.д. (22.1) – идеизм находит аргументы для своего убеждения, что материя, вещная, действенная, пространственная, временная и т.д., ни в какой эволюции в принципе не способна произвести такое противное ей явление, как антиматериальное, идеальное сознание, а посему возникновение человеческого сознания материализму никогда *не объяснить* и остается принять его спиритуалистическую трактовку.

22.3. А существует ли сознание?

Декарт привлек внимание к такому простому, но серьезному факту как недоступность чужого сознания нашему непосредственному восприятию: в чужую голову не заглянешь, по пословице, чужая душа – потемки (с.314-315); судить о ней приходится только косвенно, по аналогии с собой на основе речи и поведения человека, но такие выводы ненадежны.

Внешняя ненаблюдаемость для окружающих, одинокость сознания стала для феноменалистов от Беркли и Юма до Дж.С.Милля и Б.Рассела резонансом для сомнения: а существует ли в таком случае реально сознание? Во всяком случае для научного познания?

Эта скептическая тревога нашла подкрепление и со стороны нейрофизиологии: никакие исследования ни в какие микроскопы не

обнаруживают в тканях и клетках мозга никаких ощущений и образов (22.1.1). В этом русле Р.Авенариус отвергал разделение субъективного и объективного и обвинял обыденное воззрение во вкладывании («интроекции») объектов в сознание.

Феноменалистический скептицизм через прагматизм В. Джеймса (1904, с.103, 113, 127) мостит в психологии и нейрофизиологии дорогу такому влиятельному направлению, как бихевиоризм Дж. Уотсона, настаивающему на ограничении исследований физиологическим стимулом и реакцией на него, поведением (англ. behaviour), отвергая ментальное как их непознаваемую и бесполезную фикцию – миф (*Wilkes K.V.*, p.229-235).

Установка бихевиоризма рассматривать сознание по его проявлениям, двигательным, речевым и эмоциональным, заслуживает уважения, но сведение всего к вещному, а сознания – к поведению равнозначно исчезновению сознания и своего рода физикализму. Здесь он наследник и родственник номинализма (3.2). Хотя необихевиористы Э. Тулмен, К.Холл, Б.Скиннер вводят между стимулом и реакцией (S-R) опосредующее психологическое звено, некие «переменные» (S-O-R), но по-прежнему отказываются от всякого теоретизирования о нем как непознаваемом научными методами.

22.4. Материальные скрепы сознания

Однако есть и факты иного рода. Развитие философии и науки открыло между материей и сознанием связь.

1. Практика и ее теоретический анализ дают доказательство *сообразия* психических образов и окружающих объектов (17.7). Без соответствия между ними человеческая практика просто невозможна.

2. Наука установила несомненное соответствие между явлениями психическими и нейрофизиологическими.

Еще древние хирурги заметили связь между повреждением мозга и параличом тела и заключили отсюда, что именно мозг, а не сердце, печень или еще что-то несет душу. Но Гиппократу приходилось в этом современников убеждать, и это было тогда не очевидно и нелегко, если даже Аристотель, сын врача и сам начинавший врачом, помещал душу в сердце и даже через триста лет такой умный материалист, как Лукреций, считал, что ум расположен в груди, а душа рассеяна по всему телу – и не без резона: а как иначе тело ощущает и управляется душой (с.151-153). О роли нервов до

анатомических исследований Герофила, Эразмстрата и Галена не ведали.

Но тысячи лет упорно накапливали подтверждения явной взаимозависимости между бесплотной душой и материальным телом. Душа почему-то меняется вслед за состояниями, повреждениями и болезнями плоти. Укололи руку, а душе больно. Пострадал глаз, а душа не видит. Травмы мозга или нарушения в нем кровообращения (по современной терминологии инсульты) приводят к параличам, потере речи, распознавания предметов и другим умственным расстройствам. Недостаток йода в питьевой воде оборачивается нарушениями в щитовидной железе, а затем малостью и хилостью тела и мозга – и – соответственно – тупостью, медлительностью и сонливостью кретинов.

С 19 века хлынул поток экспериментальных открытий связи психики с нервной системой. Перерезка или удаление каких-то нервов или участков мозга приводит к утрате способности к той или иной чувствительности и деятельности руки, глаз, ушей, языка и т.д. и, наоборот, раздражение каких-то нервов или участков мозга вызывает возбуждение деятельности. Удалили кору головного мозга – и животное не может узнавать предметы и даже голодное проходит мимо пищи. Повреждены лобные доли – и человек неспособен к сложным размышлениям и самоконтролю, легко отвлекается. Повреждение левой височной доли коры лишает способности строить речь («афазия Брока»), хотя сохраняется понимание чужой речи. При других корковых травмах исчезает способность произвольно двигаться («апраксия»), считать («акалькулия»), читать («алексия»), писать («аграфия»); от повреждения затылочных долей левого полушария страдает пространственная ориентировка, от повреждений нижней теменной доли из памяти выпадают отдельные слова и т.д. В конце 20 в. предпринятое для лечения эпилептиков рассечение нервов, соединяющих полушария мозга (Р.Сперри), показало их функциональное различие: левое полушарие (у правой) специализируется на речи, мышлении, чтении, письме, счете, а правое – на образах и их синтезе.

Так открылись функциональные различия отделов нервной системы – и тем не менее отсутствие «центров» функций, как первоначально было думали, потому что повреждение разных участков мозга может давать одинаковые расстройства, но утраченные способности могут быть восстановлены работой других участков, не

поврежденных. У Л.Пастера в молодости была парализована половина мозга, но он сохранил исключительный ум.

В 20 в. успехи физики дали возможность регистрировать биологические потенциалы нервной ткани и отдельных нейронов, путей и скорости распространения по ним импульсов, особенно тонко – с помощью электронной микроскопии и микроэлектродов, которые сумели вводить даже внутрь отдельных нейронов и на их мембранные оболочки.

Еще в начале 20 в. нейрофизиологи удивили экспериментом: если к слуховому нерву, по которому идут импульсы от уха кошки, присоединить электроды, снять биотоки и усилить их, то репродуктор в соседней комнате издаст те же звуки, которые слышит кошка. Выходит, в нервах, в сочетаниях идущих по ним импульсов, есть какой-то образ слышимого звука и его можно из них восстановить.

В конце 20 в. было обнаружено (У.Пенфилдом), что простое прикосновение скальпелем нейрохирурга к различным участкам обнаженного мозга у находящегося в сознании пациента (само тело мозга к боли нечувствительно) вызывает различные зрительные, слуховые и т.д. галлюцинации и воспоминания. А раздражение мозга через введенный электрод слабым электрическим током каждый раз вызывает у человека образы – в каждой определенной точке строго свои. Открылась «специализация» даже у отдельных нейронов.

Давно известна также зависимость психики от химических и биохимических воздействий, как поступающих извне: алкоголя, ядов, лекарств, наркотиков, наркоза и т.д., так и вырабатываемых железами самого организма: адреналина, ацетилхолина и других аминов, полипептидов, ферментов, гормонов и т.д., которые регулируют эмоциональное состояние и гомеостаз организма и среды (10.11).

Такие факты настолько прочно установлены, что давно уже используются в медицине.

22.5. Какова связь души и тела?

Однако если психика так связана с материей, как с окружающими вещами, так и с организмом, то что же остается от особой независимой от тела «души»? Разве не выходит, что психика – это не особое существо, а деятельность организма, в особенности его нервной системы?

Выходит. Но тогда возникают новые вопросы: Как совместить описанную (22.1) идеальность сознания с открывающейся (22.4) его материальностью? Каким образом материальное, действующее, пространственное, временное и т.д. может породить идеальное с его бесплотностью, непротяженностью, бездейственностью, вневременностью и т.д.? И, наоборот, как идеальное, если оно бесплотно, беспространственно и т.д., может воздействовать (а такое воздействие – факт) на процессы в организме, заставляя нас, например, поднять руку и что-то делать с окружающими материальными вещами? Как беспространственные идеи могут хотя бы соприкоснуться с пространственными вещами? Как бесплотное взаимодействует с плотью? Короче, как объяснить упрямый факт их корреляции: материальное порождает идеальное, а идеальное действует на материальное?

Эти ошеломительные загадки известны как проблема взаимоотношения психического и материального, психофизиологическая проблема (the Body-Mind Problem), «психосоматической двойственности человека». Это как раз те вопросы, которые спиритуализм объявляет непостижимыми и обрушивает против материализма.

Хотя существует эта проблема, понятно, не только для философии. Даже в советское время многие наши видные нейрофизиологи и психологи (П.К.Анохин, Н.П.Бехтерева, В.П.Зинченко и др.) признавались, что, трактуя о формировании нервного возбуждения и других причинно-следственных отношениях, они никак не видят перехода от них к идеальности сознания, хотя в ней тоже уверены, а потому избегают о ней говорить. Как обронил В.П.Зинченко на обсуждении этих вопросов на кафедре философии МГУ в 1981 г.:

– Не моего это ума дело.

Что уж говорить о специалистах, живущих не в столь материалистической среде.

.....

V. Развитие

Фрагменты из книги:

24. Проблемы развития

24.1. В чем критерий развития?

О чем мы собственно говорим, когда говорим о развитии?

Оставим в стороне распространенные формулы вроде: развитие есть «победа нового над старым». Здесь развитие отождествляется со всяким движением, ибо всякое изменение означает появление нового. Будто дегенерация или труп – это не новое. Новым является и реакционное. Фашизм свою диктатуру тоже славил «новым порядком».

Едва ли не самый ходячий оборот: развитие есть движение вперед (буквальный перевод слова «прогресс») или вверх, переход от низшего к высшему. Но как понимать этот туристский критерий? Какое направление считать «вперед»? На юг? На запад? Невразумительней и альпинистский критерий движение вверх. Что разовьется в вещи, если ее поднять? Очевидно, эти затертые выражения – всего лишь метафоры и не то, что неверны, а просто бессодержательны.

Обычно подразумевается, что развитие есть вид движения, категории, более широкой по логическому объему, кроме развития, включающей перемещение, функционирование, превращение. Хотя вовсе не исключено, что всякое движение, даже хаотическая пляска частиц, может быть моментом более общего процесса развития. Но тогда в чем же его отличие от любого движения, каков критерий?

Без ответа на этот вопрос невозможно ни предвидение будущего, ни оценка нового, – где бы то ни было: в технике ли, в науке, искусстве, моде или политике.

Чем был переход России в конце 20-го века к рынку и демократии: социальной революцией – мнение реформаторов – или буржуазной контрреволюцией, как убеждены коммунисты? Авангард в искусстве – это декадентский упадок или прогрессивное новаторство?

Как оценить? Верить на слово? Но ведь никто не называет себя реакционером или мракобесом. Наоборот, все, даже самые зловещие диктатуры, рекламируют себя прогрессивными, народными, модерными и прочими красивыми словами, а своих противников ругают реакционерами, вырожденцами, злодеями и прочими ужасными словами.

Как же быть?

Без понимания развития невозможно осмысление и научная классификация ни общественных явлений, ни микрочастиц, ни видов живого или звезд. Если показателем художественного прогресса взять реализм изображения, история искусства будет одной, многие факты выпадут или переосмыслятся. Если прогресс искусства – в экспрессии, его история станет совершенно иной. Но аналогично от

смены критериев переворачивается вся теория и история физики, или философии, или общества. А описать все и одинаково детально просто невозможно.

Как без открытия тайны развития ответить, откуда мы? Кто мы? Куда идем? К лучезарному процветанию? Или цивилизации суждено кончить самоубийством?

Что же понимается под развитием? Какие предлагаются его критерии?

24.2. Возникновение понятия

Идея развития зародилась у первых диалектиков – ионийцев Фалеса, Анаксимена, а также у Эмпедокла, но очень смутная и фантастическая. Монолектики же обычно допускают изменение лишь внешней формы – «*метаморфозу*», а сущность вещей считают неизменной. Даже рост организма для них представляется его развертыванием из семени (development, Entwicklung), где он якобы заключен готовым, - это так называемая концепция преформизма.

Развитие они заменяют вечным *круговоротом* мира. Как вещает Библия, «все возвращается на круги свои. Что было, то и будет ... и нет ничего нового под солнцем». Или та же мысль в обыденной версии: «Новое – это хорошо забытое старое».

Конечно, у циклизма есть основание – реальные циклы в изменениях мира: круговорот дня и ночи, времен года, детства, зрелости и старости организмов. Французские материалисты 18-го века опирались еще на открытые к тому времени факты: вращение планет, круговорот воды в природе, подъемы и падения государств. Само слово «революция» означало тогда оборот, возвращение прежнего.

Пифагорейцы исхитрились как-то даже вычислить длительность «мирового года» - 10 800 лет, не больше – не меньше, по истечении которых все возвращается к своему началу и опять у того же моря, на том же камне будет сидеть Пифагор в белом хитоне и поверять своим ученикам тайну мировых кругов.

В 18 в. итальянский философ Дж.Вико, в 19 в. русский историк-славянофил Н.Я.Данилевский, в начале 20 в. немецкий культуролог О.Шпенглер, в середине 20 в. английский историк А.Тойнби прославились прозрением в самой истории цивилизаций – культур: египетской, индийской, китайской, персидской, греческой, римской, европейской, майя, - такой же круговорот смены четырех ступеней: детства, расцвета, зрелости и упадка старости.

А мир Ньютона и Линнея, Локка и Вольтера вообще был статичным.

Как водится (23.24), идея общественного и вселенского «прогресса» явилась отражением грандиозных новшеств в собственном человеческом бытии Европы 17-18 вв.: огнестрельное оружие и книгопечатание, механизмы, домны, станки, огромные парусники, потом пароходы и железные дороги, невиданные промышленные города, а с ними – переворот всего способа жизни, - эти социальные превращения и возбужденный ими оптимизм открыли глаза на прежде не замечаемые признаки подобных же грандиозных переломов и в как будто б постоянной природе.

Первые теории развития появились в конце 18 – начале 19 века. В истории производства и культуры их выдвинули А.Тюрго, Ж.Кондорсе и И.Гердер. В космогонии это были небулярные гипотезы истории планет Д.Декарта, И.Канта и П.Лапласа, в геологии – построения Ч.Лайеля, в биологии – эпигенез К.Бэра, догадки Ж.Бюффона и Ж.Ламарка, а позже – великая теория Ч.Дарвина, в философии - концепции Г.Гегеля и Г.Спенсера.

Основанием для них послужили открытые тогда факты нарушений кругов и сродства между образованиями: замедление во вращении планеты от приливного трения, смены климатических эпох (оледенений и потеплений), остатки вымерших видов организмов, различия в уровне хозяйства и культуры Европы и отсталых народов и др.

Разнообразные картины мирового развития неустанно живописуются уже три столетия, но как раз потому, что они оставляют в умах общее неудовлетворение. Хотя свой «диалектический материализм» Ф.Энгельс не раз именовал, конечно же, «теорией развития» (т.20, с.145, 384, т.36, с.504), даже многие его советские последователи: К.М.Завадский, С.Т.Мелюхин, М.Н.Руткевич и др. – признали проблему развития нерешенной. Нет ни определения развития, ни критериев, ни объяснения его механизма и возникновения нового, направления, повторяемости, скачков и многого другого.

Познакомимся поближе с состоянием изученности хотя бы некоторых из них.

24.3. Рост ли?

От античных атомистов и до механицистов 17-18 вв., а впрочем, во многом и поныне самым заурядным является чисто количественный подход: развитие вещи есть ее увеличение, рост. Не под-

вергаемым сомнению трюизмом остается усмотрение прогресса общества в увеличении производства или еще народонаселения. Но если измерять развитие размерами, то слон прогрессивнее человека; если измерять тоннами стали и штуками тракторов, то Советский Союз был развитее, чем США; если численностью населения, то самый прогрессивный – нынешний Китай.

24.4. Усложнение?

В начале 19 в. Ж.Ламарк нашел более тонкую вариацию количественного критерия – «возрастание сложности» (т.1, с.94, 176). В середине 19 в. Г.Спенсер перенес его из биологии на весь мир и разработал обстоятельнее: усложнение заключается в разделении однородного на разнородные части и вызывается их разной удаленностью в пространстве от источников сил.

Казалось бы, так и есть: в космосе однородные туманности расчленяются на звезды и планеты, планеты – на твердые, жидкие и газовые сферы и геологические слои, усложняются организмы, языки, производство, наука; дифференциация субатомных микрообъектов является условием образования атомов; в химии однородные нуклоны распадаются на разнородные химические элементы, те – на еще более разнородные химические соединения; биология описывает возникновение различий у клеток и особей, дарвиновскую дивергенцию в эволюции живого.

К.М.Завадский, П.Эрлих, М.Рьюз и многие другие современные теоретики биологии держатся этого же усложнительного мерилла развития, как индивидуального, отдельных организмов (онтогенеза), так и исторического, их видов (филогенеза). Да и в философии он стал подразумеваемым или явным стереотипом.

Что говорить, развитие, и впрямь, может сопровождаться усложнением. Но вот беда: усложнение бывает и в регрессе. Например, при болезни появление в организме чужеродных клеток или усложнение бюрократического и полицейского аппарата при диктатуре. Как известно, морфология и функционирование паразитов упрощаются, потому что они селятся на поверхности или внутри поедаемой ими жертвы, обращаемой в условие своего обитания, благоприятное и устойчивое. Но те же гетеротрофы, когда они вынуждены искать пищу, как травоядные, или охотиться на нее, как хищники на подвижных травоядных, оказываются в усложненной среде и соответственно сами усложняются, хотя переселяясь в более однообразную среду, как предки дельфинов и китов переселились в

воду, значительно упрощаются. Получается, прогресс – усложнение биологических образований является производным от регресса, ухудшения условий существования. И там, и здесь усложнение, но усложнение живого – прогресс, а усложнение среды считается регрессом. Как же тогда усложнение может служить общим показателем прогресса?

А, с другой стороны, прогресс может сопровождаться упрощением. Например, у млекопитающих сложнее сердце и мозг, но в целом их организм проще, чем у чудовищных мезозойских рептилий. У позвоночных уменьшается число костей в черепе: у костоперых рыб их 143, у стегоцефалов – 90, у примитивных млекопитающих – 42, у человека – 27. Упрощение наблюдается и в развитии техники. Транзисторные приемники по общей схеме проще, чем ламповые комоды тех же возможностей. Реактивные двигатели самолетов, по своему принципу, если оставить в стороне их оснастку, проще поршневых. В искусстве и науке формальная запутанность чаруют только новичков и профанов, а краткость и простота почитаются «сестрами таланта».

Сверх того, усложнение – в качестве количественного показателя развития – имеет еще, так сказать, метрологический изъян – несравнимость разнотипных систем по сложности. К.Бэр и Ч. Дарвин расписывались в безнадежности сравнения по сложности каракатицы, рыбы и пчелы, потому что каждая построена по иной форме. При генетическом же сравнении оказывается, что геном человека не на много сложнее, чем у мухи и в обоих приблизительно по 30 тысяч генов.

Кибернетика зародила, было, надежду измерить сложность в единых единицах – битах «количества информации». Однако так как под «информацией» в ней подразумевается количество границ во внутренней расчлененности материи (10.11), то эта новация на поверку не несет ничего нового, кроме переименования той же сложности. Аналогично получается и с другой предлагаемой мерой – «уменьшением энтропии», которая измеряется той же формулой Шеннона, что и «информация».

Но, пожалуй, в окончательный тупик этот подход заводит обстоятельство, которое, мне кажется, давно бы пора заметить – единство усложнения и упрощения. Оно обуславливается тем, что расчленение на разнородное (гетерогенное) в мире достигается соединением однородного (гомогенного). Так, разделение водородно-гелиевой плазмы на разнородные химические элементы является

оборотной стороной синтеза друг с другом однородных нуклонов. Образование разнородных газов, жидкостей и минералов планеты есть оборотная сторона перехода химических элементов в химические соединения. Возникновения несметных различий живого есть результат соединения органических молекул в клетки, тех – в организмы и т.д. Выделение все новых отраслей хозяйства обеспечивается их соединением посредством товарообмена.

К тому же похоже на то, что в мире в целом существует закон сохранения сложности, потому что увеличение сложности, синтез одних систем происходит за счет адекватного разложения других систем. Будь у разнотипных сложностей способ соизмерения, этот закон можно было бы, пожалуй, обосновать и эмпирически.

24.5. Адаптация?

Конфуз с количественным подходом заставляет искать иные. Биологические эволюционисты от Ч.Дарвина до А.Северцова и Дж.Симпсона сообразно своей теории усматривают показатель уровня развития живого в его приспособленности.

И в самом деле, почему нет? Разве не он дарует выживание? Теоретическое огорчение, однако, в том, что все виды живого приспособлены к своей среде и не приспособлены к чужой. Тигр погибает в Арктике, а белый медведь – в тропиках. Поэтому в адаптационный критерий вносится уточнение: показатель развития – в приспособлении к более широким по разнообразию условиям, - «эврибионтности», «универсализации» или «совершенстве».

Прекрасно, но в таком случае самым прогрессивным растением становится пырей или, там, крапива, самая прогрессивная птица – воробей, а среди млекопитающих – мышь. А вершина развития живого оказывается в самом низу генеалогического древа – микробы (вирусы и бактерии). Где только их нет? Несмотря на свою микроскопичность по отдельности, в скоплениях они видны даже невооруженным глазом: гниль и слизь на речных камнях, на ранах, на нёбе больного. А в почве в каждом кубометре их по несколько килограммов. Они живут и в воздухе, и в отсутствие кислорода (анаэробы), и внутри организмов, и на дне океанов, и в полярных морях, и в толще льдов, перенося холод, близкий к абсолютному нулю, и в щелочах, и в 20% растворах соли, и в горячих источниках, и в жерлах вулканов, и в недрах планеты на многокилометровых глубинах, где они вырабатывают нефть и газ, месторождения золота и железа,

и на космических метеоритах, и даже в атомных реакторах, погибая лишь от ультрафиолетовых лучей. Вот это живучесть!

Кто же прогрессивнее: микробы или люди?

И еще досаднее для концепции эврибионтности: она, очевидно, совсем неприменима к неживой природе.

Больше того, она, впрочем, как и все прочие предлагаемые критерии, не объясняет обстоятельство, которое, казалось бы, бьет в глаза: если считать, что эволюция есть переход к высшим формам, то почему же рядом с ними сохраняются низшие формы и к тому же они еще и на порядок многочисленнее?

24.6. Генеалогия человека?

Нетрудно заметить, что критерий эврибионтности дискредитируется ее невольным сравнением с предполагаемой реальной историей живого, итогом которой почитается человек. А, может быть, не мудрствуя лукаво, открыто зайти с этого конца и принять показателем развития просто-напросто степень приближения к человеку как венцу природы? Русские космисты Н.Ф.Федоров, В.И. Вернадский, известный английский дарвинист Дж.Гекли, французский теолог П.Тейяр де Шарден, Б.Картер и другие поборники «антропного принципа» (9.2) так и поступают.

Кто станет спорить? Этот антропоцентризм благонамеренной природы людям очень приятен. Но действительно ли мир так устремлен к нам? Почему антропоцентричный критерий не позволяет градуировать развитие в иных условиях: в океане, среди растений, в космосе или на его разных ветвях эволюции? В самом деле, если судить по нему, кто выше развит: осьминог, кальмар, каракатица, мурена или сельдь? Или, может быть, те невообразимые чудища, которые обитают на громадных подводных и подземных глубинах (23.1)?

Но, пожалуй, еще неожиданнее то, что человеческий критерий развития не работает в оценке явлений самого человеческого общества. Ведь и феодализм, и капитализм, и изверги, вроде Калигулы или Гитлера, и подвижники, вроде садовода Мичурина или матери Терезы, – все это люди.

24.7. Нигилизм и релятивизм

Неуловимость объективных признаков развития сеет сомнение: а существует ли таковое вообще?

Во многих ветвях естествознания специалистам кажется просто нелепым сам вопрос о сравнении: какая химическая реакция «совершеннее», «прогрессивнее» или, там, «развитее»? Какой геологический пласт? Какой тип звезд?

Этот скептицизм распространяется и на живое, находя резон в неведомости критериев биологической эволюции. Может быть, думать о прогрессе жизни столь же нелепо, как о прогрессе химических реакций? Многие биологи делают вывод, что все живые существа равноценны, все приспособлены к своим условиям. Ласточке для охоты на мошек не нужны ни крылья сокола, ни голова человека. Тигр не совершеннее ласточки, человек – не совершеннее амебы.

А из естествознания неверие в прогресс переносится и на общество. Оказывается, бессмысленно спрашивать, какой скульптор совершеннее: Тутмес, Пракситель, Микеланджело или Роден? Все прекрасны, хотя по-разному, по-своему. Несравнимо, какой транспорт совершеннее: лошадь, корабль или автомобиль? Автомобиль не пройдет в лесу, а на воде – лошадь. Каждый хорош в своих условиях. Невозможно решить, какой строй совершеннее: феодализм или капитализм? Во времена сохи и самопрялки капитализм был просто невозможен.

Неведение объективного критерия развития искушает на его замену субъективным аксиологическим и склоняет к *релятивизму*. Позитивисты О.Конт, Дж. Мур, Б.Рассел, Р.Карнап и другие решили, что прогресс есть чисто субъективное и относительное понятие: кому что нравится, кому что лучше, то он и считает прогрессом, а привнесение его в равнодушную неодушевленную природу является телеологическим (9.2) фантомом и мифом наивных оптимистов. В природе происходят всего лишь изменения (change).

Как видим, релятивизм по существу означает отрицание самого развития.

Но, быть может, он прав? Не потому ли критерий развития неуловим, что нет развития, а есть изменения? Что же гоняться за призраком того, чего нет?

Поскольку изменения в разных сферах мира радикально различны, немало философов, и наших, и зарубежных, считают самую мысль об общем критерии развития вообще пустой. Однако в таком случае какая может быть речь о *всеобщем* развитии?

Однако что же вожелать такой роскоши? Может быть, есть какие-то хотя бы частные критерии? Увы, и частные удовлетвори-

тельные критерии неведомы; все обнаруживают не те, так другие изъяны.

24.8. Куда направлено развитие?

С неизвестностью определителя развития связана его другая проблема.

Обязательным отличием развития почему-то считается его направленность. Положим так. Но куда оно направлено? Что имеется в виду? Надо думать, не пространственный смысл «вперед» или «вверх» (24.1). Что же? В этом-то и вопрос. И никто на него не отвечает.

Между тем не только развитие, но любое движение имеет направление, поскольку происходит в пространстве. Если же подразумевать не перемещение, а изменение по свойствам, тогда направлением оказывается следующее состояние. Но почему оно является «направлением»? Не метафора ли это? В чем его преимущество перед предыдущим состоянием? Только в том, что оно следует во времени?

В пору социального оптимизма от Ж.Кондорсе до Г.Гегеля его идеологи видели в развитии совершенствование – прогресс. Развитие и прогресс тогда были синонимами. Однако мрачные драмы общественных катаклизмов скоро охладили радужные надежды – и в 19 веке многие и либералы, и консерваторы вовсе отреклись от веры в прогресс, и даже марксизм при всех своих упованиях на коммунистические зори признал и прогресс, и регресс, и круговороты, и даже итоговую гибель земной цивилизации (т.2, с.91, т.12, с.736, т.20, с.362, 621, 640).

24.9. Каково улучшение в развитии?

Но эти разграничения в развитии «направлений» добавляют теории хлопот. В таком случае в чем же различие прогресса и регресса? Или прогресс – это просто иное имя улучшения, то, что нам нравится, хорошее, а регресс означает ухудшение, плохое? (24.7).

Но ведь если эти слова так понимать, то люди с иными интересами те же самые вещи могут оценить иначе. Продавец будет уверять, что прогресс – в росте цены на его товар, а покупатель, - что прогресс, – наоборот, в ее снижении. К тому же роли социальных контрагентов могут и поменяться, нынешний покупатель станет продавцом. И вообще интересы людей довольно изменчивы. Что же

тогда считать прогрессом? Какая может быть речь об объективном смысле этих понятий? Не оправдание ли это субъективного произвола?

А что считать улучшением или ухудшением в природе: в химических реакциях, в процессах в звездах? В галактиках? Выходит, прав позитивизм: во всей природе, далекой от человеческих интересов, нет ни прогресса, ни регресса, ни развития.

Впрочем, а являются ли изменения в живом и в обществе улучшением или, как и в природе, они амбивалентны? Ибо всякое улучшение сопряжено с ухудшением. Появление жизни – со смертью, нервной системы – с болью, сознания – с заботами, разума – с заблуждением, рост производства оборачивается истощением и загрязнением природы, грозит термоядерной и экологической катастрофой и гибелью всего живого. Решая одни проблемы, мы создаем новые. И растущая ныне тревога: не приведет ли как раз рост мощи науки и техники к угасанию человечества?

24.10. Есть ли у развития цель?

Еще одно скептическое подозрение: не содержит ли понятие прогресса допущение в движении мира какой-то *цели*? Ведь это означало бы ту же телеологию с ее одушевлением природы (9.2). А если у мира нет цели, то, получается, прогресс заключается в оценке изменений по отношению к целям мыслителя, стало быть, чисто субъективное измышление, а объективно его нет. Нет целей – нет оценок – и нет прогресса (24.9).

Конечно, можно допустить, что развитие вселенной направлено не к какой-то духовной цели, в просто к какому-то ее состоянию, как причина «направлена» к следствию (9.8). Но тут нас подкарауливает уже знакомое недоумение: почему изменение к какому-то состоянию является развитием, а не просто изменением? Если оно не лучше, то чем же превосходит предыдущие? Лишь поступательностью, тем, что следует во времени? (24.8). Но таковы все состояния: все следуют одно за другим.

Или мы полагаем какое-то состояние «вершиной» изменений мира? Но ведь это означает допущение его предела, конца? Как вместить такой финитизм в безначальный и бесконечный мир (20.26)? К тому же за бесконечное время любое состояние должно бы уже давно наступить. Как же совместить идею развития с бесконечностью вселенной?

Или эта «вершина» мирового развития должна отличаться не по времени, а чем-то иным? Но чем?

К тому же мысль о едином вселенском направлении не вяжется с фактами. Все известное современной космогонии, биологии и истории свидетельствуют о разветвленности, «многонаправленности» изменений во вселенной, сразу в разные русла, как это именуют, дивергенции, а сверх того, многие из ветвей этого генеалогического древа оказываются тупиковыми. Но тогда почему те же тупики не ждут и прочие ветви, ныне длящиеся пока? Не вероятнее ли, что время их конца просто еще не наступило?

24.11. Загадка возникновения

Теория развития упирается также в древнюю проблему, с которой мы уже сталкивались ранее (7.8, 11.2), – загадочность появительности – возникновения нового, качественно отличного от того, из чего оно возникло (эмержентного, неаддитивного): как из кислорода и водорода возникает непохожая на них вода? Из мертвых жидкостей и минералов – противное им живое? Из животного – человек? Из материального – бесплотное сознание? И т.п.?

Вопрос, разумеется, не о том, каковы эмпирические последовательности, силы, пропорции и другие законы этих возникновений; они наукой постепенно устанавливаются и измеряются. Вопрос о том, почему их результат отличается от этих причин. Вот этого-то слона исследователи не хотят замечать, потому что он, если вдуматься, удивителен и потому для спокойствия ума неприятен. Чем создается это своеобразие появляющегося, его специфика?

Эта классическая проблема философии ныне возведена даже в ранг «парадокса развития».

До сих пор материализм не мог его объяснить иначе, как полагая новое только соединением уже существующих частей («стихий», «элементов», «атомов», «факторов» и т.д.), комбинацией первичных элементов или воспринимаемым, «видимым», существующим «во мнении», «вторичным качеством».

И эта зависимость свойств целого от свойств его элементов и их структуры со всей несомненностью подтверждается экспериментально. Связь причины с появительным следствием доказывается, но не объясняется. Откуда появляется новое, «вторичное» свойство? Откуда у воды такие свойства, каких нет ни у водорода, ни у кислорода? Откуда возникает цвет, если отдельный фотон бесцветен? Откуда вдруг теплота, если отдельный атом не горяч? Откуда

мысль, если отдельный нейрон не мыслит? Отдельный мозг не образует культуры? Отдельный человек – не общество?

Необъяснимость нового дает спиритуализму основание выставлять его если не сверхъестественным – обыденным чудом, то по меньшей мере проявлением – творением мирового духа: в природе не может возникнуть ничего нового, чего прежде не было бы за природой, в духе, – тезис, сохраняющийся у Г.Гегеля (т.6, с.266, т.8, с.18). Пожалуйста, если это кому-то что-то объясняет, но едва ли это что-то дает для творения нового в собственной практике.

Но проблему нового даже иные материалисты поныне объявляют принципиально непознаваемой, «фундаментальной и несводимой», «изначальной и невыводимой способностью материи». Может быть, это так и есть? Смирись, гордый разум! Здесь твой предел. Почему нет?

24.12. Проблема «источника» развития

Детерминизм (9.1-10, 10.1-11) прекрасно работает в установлении причин *движения* в физике, химии, биологии, но не *развития*. Как водится, обыкновенно беспечно не замечается, что для объяснения развития недостаточно классического понятия причины. Из него не видно, почему должно происходить усложнение систем, устанавливаться их внутренняя слаженность, возникать живое, его самосохранение и приспособление к условиям и т.п. Что они могут дать для объяснения целесообразности живого? Или такого дива, как психика?

Просветители 18-го – начала 19-го веков не очень были уверены в развитии природы, а двигатель прогресса общества находили, естественно, в разуме, своем, земном, человеческом: науке, морали и т.д. – или в небесном, «мировом», следуя здесь за телеологией, как это было даже у позитивиста О.Конта (1910, с.45), - пока кровь революций и войн, в конце концов, не спугнула эти светлые грезы.

И вот «диалектик» Гегель открывает «источник» развития не в разуме, а в чем-то ему противом – объективном «противоречии» (8.10) (т.1, с.206, т.5, с.519-523), что, тем не менее, было логично для того, кто полагает основой всего тот же мировой разум. Это спиритуалистическое откровение уже из революционных побуждений переменал и марксизм: «противоречие», – просвещают он нас, есть «источник» движения и развития и в природе, и в обществе (т.2, с.38-39, т.4, с.136, т.19, с.215, 220-224, т.20, с.123-124, 343, 526-527, т.25(2), с.456), хотя уже в 19 в. и тем более в современной нау-

ке это утверждение звучит довольно мистично, будто движение «возникает» из противоречия в пику законам сохранения (8.10). Зато эти интеллектуальные хитрости неплохо маскировали нерешенность и даже неосознанность проблемы.

Эти объективированные мыслительные противоречия марксизм материалистически переосмыслил как «противоречия» (в смысле розни (8.9)) содержания и формы, например, производительных сил и продуктных («производственных») отношений, общественной формации. И эта идея серьезна, несмотря на ее гегельянскую аранжировку, одно из признанных достижений марксизма, особенно применительно к материалистической социологии.

Однако что же является двигателем («источником») развития – содержание или форма? Как мы ранее видели, они оба активны, а оснований для предпочтения того или другого не указывается (21.11).

И эта темнота не последняя. Действительно ли развитие движется «противоречием» (рознью) содержания и формы? Может быть, это придумано всего лишь ради апологии революции? Ведь рознь с формой скорее тормозит успешное функционирование организма или общества, отчего и кончается преобразованием формы, – другой из основных марксистских постулатов. Как же их совместить? Может быть, двигателем развития служит соятие (соответствие) содержания и формы, которое устанавливается после ее преобразования? Почему нет?

Такие теоретические зияния не могли не радовать креационистов и не тревожить конкретных исследователей биологической эволюции, отчего здесь и родились мысли об ее иных причинах, естественных, но тем не менее не динамических.

Великая идея естественного отбора приспособленных впервые осенила вовсе не Дарвина и не Г.Уэллса. Она появилась за две тысячи лет до них, расписанная Эмпедоклом, хотя и в фантастической форме размножения «удачных» вариантов (подразумеваются те же приспособленные) и гибели неудачных, без мысли, откуда эти уроды берутся, должно быть, представлявшихся случайными комбинациями в первоначальном хаосе, и еще без ответа на излюбленное возражение креационистов: как могли существовать неприспособленные, которые, как здесь полагается, предшествовали отбору приспособленных?

Подобным сладостным натурфилософским экзерсисам, также как и теологическому божьему творению, Ж.Ламарк противопоста-

вил идею духовной активности особи в эволюции, развитие тех или иных органов путем их упражнения соответственно новым условиям.

Такое духовное самотворение было еще понятно для животных, но совершенно не мыслимо для растений, что в конце концов заставило неоламаркизм отказаться от духовности внутренней активности живого, но благодаря этому распространить ее на решительно все физиологические акты, вплоть до внутриклеточных и даже биохимических.

Дарвин – это не Эмпедокл и не Ламарк. Сообразно эпохе его гений пришел к новому закону развития: гибнут не только природные ошибки, но и прежние победители – вследствие появления еще более удачных в мальтузианской перенаселенности и борьбе за существование, хотя, откуда берется изменчивость особей, – это было ему неясно.

Но, может быть, эволюционная изменчивость творится как внутри, так и извне? Синтез ламаркизма с дарвинизмом изобретал еще Э.Геккель, предполагая для этого внутреннюю активность даже у атома, а Дж. Болдуин (1896) представил его в форме гибели неудачно активных. Однако дарвинизм отторгает такой синтез своих постулатов с тем, что им противоречит: приспособление путем собственной активности должно спасать особи от гибели и тем самым препятствовать естественному отбору малых вариаций – мутаций.

Тем не менее, несмотря на свои слабости, идеи селективности развития из биологии распространились в другие науки: после Г. Спенсера и Дж. Дьюи – в психологии, после В.И.Вернадского – в эволюционной химии, после К.Поппера и И.Лакатоса – в эволюционной эпистемологии.

Однако даже селективного детерминизма, как в эндогенной, так и в экзогенной версии, с их двумя факторами: внутренние изменения или внешние случайные мутации и естественный отбор сообразно условиям, – явно недостаточно для объяснения развития. Те же вопросы остаются. Откуда усложнение физических и химических систем, если уже фотоны или лептоны несравненно более устойчивы, чем макрообъекты или звезды? Не является ли физический «отбор» просто универсальным соответствием с колебаниями отклонений от него? А если равнодействие устойчивее в фотоне и лептоне, почему оно должно порождать развитие? Откуда усложнение живого, если уже простейшие микробы великолепно приспособ-

соблены к условиям, даже лучше высших животных (24.5)? Чем же вызывается развитие?

Тысячи лет мучительных поисков, но успокоительного ответа неизвестно. Ни динамика, ни селекция его не дают.

Не от этой ли неопределенности путь к теории развития преграждает множество еще и других антиномий и контрверз – теоретических дилемм и оппозиций, более частных: материализм и витализм, элементаризм и холизм, динамизм и телеологизм, редуktivизм и эмерджентизм, реляционизм и абсолютизм, закономерность и случайность, преформизм и креативизм, ортогенез и ненаправленность и т.д., в пучину которых мы уж поостережемся погружаться, дабы не повергать неофитов в полную растерянность.

.

26. Системная теория развития

26.1. Что такое развитие

Любят люди толковать о развитии того – сего, но что такое развитие, не знают. Дело обыкновенное.

И все же достижения современной науки, обсуждения и дискуссии по проблемам развития (24.1-8), по общей теории систем, ее общепризнанные понятия иерархии уровней, подсистем, элементов, структур, эмерджентности новых качеств (7.2), новые понятия противоединства (8.7-11) и детерминизма (9-14), по-моему, дают достаточно материала и идей, чтобы выявить содержание и некоторые важнейшие законы развития.

Мне думается, развитие происходит хотя и по всей известной нам вселенной, но вовсе не тотально, а присуще исключительно системам. Его нет в хаосе, хотя сам хаос входит как составляющее в мягкие системы (7.2). (Но об этом дальше).

Назовем нашу теорию развития системной.

Проведенный ранее анализ позволяет нам начать с его итога – с определения:

.

О приобретении и переиздании **типографских** книг

обращаться по адресу

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru newfrost@inbox.ru

или libraev@mail.ru

Или в издательства.
